

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

МОТЕЛЬ

С М Е Р Т Н И К О В

Полковник Гуров

Николай Леонов

Итальянский синдром

«Научная книга»

2010

Леонов Н. И.

Итальянский синдром / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
2010 — (Полковник Гуров)

© Леонов Н. И., 2010

© Научная книга, 2010

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	25
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Николай Леонов Алексей Макеев Итальянский синдром

Пролог

В непроницаемой темени нескончаемо долгого туннеля, неведь когда вырубленного в толще серого сырого известняка, цепочкой брели трое мужчин, освещая путь электрическими фонарями. Тяжело дыша едковатыми испарениями каменных недр, они изредка вполголоса обменивались короткими фразами. В неподвижной атмосфере подземелья витал стойкий, назойливый запах плесени и тлена. Втягивая в легкие влажный спертый воздух, путники поживались от холода, царящего в каменной утробе.

Туннель, образованный, скорее всего, в те времена, когда возводилась Белокаменная, для чего вырубались вручную многие тысячи кубометров камня, был не чета метростроевским. Он извивался то вправо, то влево. Его пол то прогибался затяжными ложбинами, над которыми потолок провисал почти до самого низа, то выступал бугром. Скопившаяся в ложбинах вода хлюпала под ногами: кое-где путникам приходилось передвигаться почти на четвереньках, упираясь руками в липкую грязь. В некоторых местах к подземному коридору примыкали боковые ответвления с прямоугольным или совершенно бесформенным входом, порой куда более широким, нежели основной туннель. Правильно сориентироваться в таких местах мог только человек, имеющий огромный опыт подземных странствий. А иногда приходилось спешно брать в рот загубники портативных кислородных аппаратов – в наиболее низких участках подземелья скапливался стекающий из известняка углекислый газ.

Шедший впереди крепкий, плечистый мужчина лет сорока временами заглядывал в какой-то лист бумаги, подсвечивая себе фонарем. Следом за ним, флегматично озирая неровные стены, сохранившие следы ударов кирки и кайла, шествовал невысокий, почти квадратный брюнет (каких в народе именуют «метром с кепкой») с короткими черными с проседью, волосами. На нем был серо-зеленый костюм из плотного материала со множеством карманов и швами, усиленными дополнительной строчкой. Кепку того же серо-зеленого цвета он то и дело поправлял, словно она собиралась слететь с его головы. Морщинки, густо изрезавшие веки у больших черных, как антрацит, глаз типичного южноевропейца, беззастенчиво прибавляли возраст своему обладателю, которому было немногим за тридцать.

Замыкающим, громко сопя, шел крупный парень, с мощной шеей и толстыми мускулистыми руками, типично «расейского» обличья. Его плечи оттягивал висящий за спиной брезентовый вещмешок, в котором лежало что-то очень тяжелое. Когда путники останавливались на привал, замыкающий осторожно снимал с плеч ремни и садился рядом со своей ношей, позволяя себе об нее лишь облокотиться. В подземелье они вошли в ту пору, когда утреннее солнце еще только начало свой путь по небосклону. За время долгого путешествия под землей они успели забыть, что сейчас где-то там, наверху, ясный день. Им порой начинало казаться, что везде и всюду царит вечный мрак.

Идущий во главе группы, судя по всему, проводник, в одном из мест, где туннель разделялся надвое, остановился и коротко объявил:

– Привал!

Сбросив с плеч небольшой рюкзак, он уселся на свою ношу и, достав из кармана джинсовой куртки плоскую фляжку, с удовольствием отхлебнул из нее терпкой пряной жидкости.

«Метр с кепкой», на правах не последнего члена группы, уловив аромат коньяка, недовольно проворчал с заметным чужеземным акцентом:

– Я не одобряю ваш пристрастие к коньяку. Пить можно после конца наших путешествий в этот катакомб.

– Не переживайте, синьор Паоло, – проводник снисходительно усмехнулся, что хорошо было заметно в отсветах фонарей, – здесь коньяк не только средство сохранения морального равновесия, но еще и хороший способ согреться изнутри. Вас еще не пробрало?

Синьор Паоло сердито передернул плечами – то ли от переполнявшего его раздражения, то ли от того, что и впрямь ощущалась прохлада, исходящая от стен. Он достал сигару, но, подумав, спрятал обратно – было ясно, что курить в такой атмосфере крайне нежелательно, поскольку и так дышалось очень тяжело. Третий в группе, носильщик, не проронив ни звука, сидел на корточках у своего груза и, ничего не выражающим взглядом смотрел в темноту подземелья.

– Мы идти уже больше три часа, – посмотрев на часы, снова заговорил синьор Паоло. – Сколько время идти нам еще?

– Примерно столько же, если не возникнет непредвиденных обстоятельств, – сделал еще один глоток и спрятав фляжку, все так же невозмутимо ответил проводник.

Внезапно где-то вдали, в одном из туннелей, мелькнул какой-то сизоватый отсвет и раздался странный звук, напоминающий одновременно еле различимый скрежет металла и чей-то приглушенный стон. Длилось это всего секунду, но синьор Паоло, словно подброшенный пружиной, одним прыжком поднялся на ноги.

– Коза сио? Что это такой? Что это? – испуганно спросил он, начав креститься двоеперстием слева направо.

Внезапно как бы спохватившись, он торопливо опустил руку, не завершив крестного знамения.

– Вот видите, синьор Паоло, – назидательно заметил проводник, – что значит не иметь хорошего средства, укрепляющего нервную систему. Не обращайтесь внимания. Когда-то, путешествуя по этим лабиринтам, я не раз видывал нечто подобное. Ничего страшного. Мне кажется, это следствие каких-то природных процессов и к мистике никакого отношения не имеет. Ну что, раз уж вы на ногах, пойдете дальше?

Еще раз заглянув в свой план, он решительно направился направо. Именно туда, где и были замечены загадочные блики. И вновь потянулись нескончаемо долгие минуты подземного путешествия. Примерно через километр пути проводник свернул в неприметный боковой коридор и, дойдя до тупика, которым тот заканчивался, указал на груду камней, сложенных в углу бесформенной кучей.

– Здесь должен быть лаз в другой, более благоустроенный туннель. Но до него еще нужно добраться. Не понимаю, кому было нужно его заваливать? Приступаем к работе, – объявил он, начав отбрасывать в сторону обломки известняка.

Когда камни были убраны, в углу открылась широкая нора, ведущая под уклоном куда-то вниз. Проводник снял рюкзак и совершенно спокойно, словно из одной комнаты своей квартиры переходил в другую, придерживаясь за края норы, спустился вниз, освещая себе путь фонарем. Синьор Паоло последовал за ним, изобразив рукой какой-то непонятный, судя по всему, ритуальный жест, и пробормотал по-итальянски странную фразу, что в переводе на русский могло означать: «О, могучий, крылатый владыка!...» Третий снял с плеч свой вещмешок, в котором лежало нечто, напоминающее короткий толстый цилиндр, весом не менее трех пудов, и, бережно прижимая его к себе, тоже спустился в узкую для такого крупного мужчины нору, изобилующую острыми углами. Двигаться по этому лазу, где более-менее пологие участки то и дело сменялись довольно крутыми и почти отвесными, пришлось более четверти часа.

Наконец лаз закончился, и, прыгнув куда-то вниз, все трое оказались в куда более просторном туннеле со сводчатым потолком. Стены и пол здесь были ровные, да и воздух несколько суше.

– Что это есть такой? – направляя во все стороны луч фонаря, удивленно спросил синьор Паоло.

– Недостроенное метро, – пояснил проводник. – Говорят, вскоре после войны начали строить секретную ветку для военных нужд. А как Сталин помер, так ее и забросили. Вообще-то, наподобие этой, но действующих, под Москвой немало. Говорят, есть и такие, о существовании которых знают только высшие чины ФСБ.

Они зашагали по туннелю, кое-где встречая ржавеющие у стен части каких-то металлических конструкций и штабеля толстой арматуры. По сравнению с тесным лазом, путешествие по этому коридору казалось почти комфортным. Но длилось оно не очень долго. Всего через полчаса пути впереди показалась бесформенная куча каменных глыб и глины, которая закупоривала просвет туннеля. Проводник, осветив стену справа от себя, нашел лучом фонаря черный прямоугольник входа в боковой коридор. Но за входом обнаружилось нечто вроде небольшой пещеры, в полу которой зиял воронкообразный провал, ведущий в неведомую бездну.

– Дьяволо! – синьор Паоло посветил в провал и, не увидев дна, недоуменно обернулся к проводнику. – Мы идти вниз и вниз. Мы идти в инферно... В ад?

– Другой дороги здесь нет, – достав из рюкзака и разматывая толстый крепкий шнур, почти безмятежно откликнулся проводник. – Да вы не переживайте – я тут дорогу найду даже с закрытыми глазами. Осталось не так уж и много.

Он закрепил конец шнура за толстенную арматуру, положенную поперек провала, а его свободный конец привязал к лямкам вещмешка носильщика. Тот, встав на краю бездонной ямы, неспеша стал спускать вниз свою увесистую ношу. Когда где-то там, в неведомой глубине, вещмешок наконец-то достиг дна провала, проводник сбросил вниз свободные концы шнура и, опираясь ногами о неровный камень стен, начал спускаться в жутковатую черную бездну. Фонарь он придерживал зубами, и поэтому было видно, как пятно света, прыгающее на стене, все дальше и дальше уходит вниз. Достигнув дна, проводник без каких-либо эмоций крикнул:

– Давай, следующий.

Внутренне содрогаясь, синьор Паоло взялся за шнур и, мысленно поминая все того же крылатого владыку, начал свой спуск, изо всех сил стараясь не сорваться и не упасть. Ему казалось, что этот путь не закончится никогда. Когда его онемевшие от напряжения руки уже готовы были разжаться сами собой, он с невероятным облегчением ощутил под ногами мелкую россыпь камней. Носильщик спустился довольно быстро, скользя по шнуру кожаными перчатками и время от времени отталкиваясь от стен ногами.

В отличие от недавней, не слишком утомительной прогулки по туннелю, путь по этой галерее стал преодолением сплошной полосы препятствий. Здесь ходы, скорее всего, созданные потоками подземных вод, имели самую замысловатую форму. Люди, бредущие сквозь хаотическое нагромождение пластов известняка, были вынуждены пробираться через узкие, тесные норы с острыми выступами. Кое-где продвигаться можно было только лишь ползком, а в других местах ход разрастался до размеров большой пещеры, с потолком из каменных складок и огромных глыб, которые, казалось, могли рухнуть в любую минуту и похоронить собою всех. Здесь почти постоянно приходилось идти, дыша через кислородные аппараты.

Когда проводник вновь произнес долгожданное: «Привал!», его спутники, донельзя измученные изматывающей дорогой в никуда, буквально рухнули на неровный мокрый пол, не обращая внимания на капли воды падающие с потолка. Отдых прошел в полном молчании. В непроглядной тьме слышалось лишь тяжелое дыхание и покряхтывание носильщика. Подняться вновь и идти дальше в неизвестность казалось выше всяческих сил. Но когда проводник

встал и буднично объявил, что пора идти дальше, синьор Паоло и носильщик, после некоторой заминки, тоже встали и побрели вслед за ним.

Вскоре их путь пошел на подъем. Синьора Паоло это несколько воодушевило и он даже немного повеселел. Когда они еще через пару часов, преодолев участок крутого подъема, оказались в просторной галерее, в одном месте обнаружилась частая капель, от которой распространялся тяжелый запах канализации.

– Ага, – удовлетворенно отметил проводник, – мы уже почти у цели. Еще полчаса ходу, и мы на месте.

Это известие его спутникам как будто придало сил. И хотя их дальнейший путь по-прежнему представлял собой все ту же «полосу препятствий», идти стало как будто легче. Теперь кое-где сверху временами доносился непонятный приглушенный грохот.

– Это метро, – заметив недоумение спутников, пояснил проводник.

Оказавшись в гроте с низким потолком, куда они забрались по узкому крутому лазу, проводник остановился и осветил свой план фонарем.

– Мы на месте, – объявил он. – Да, это именно то, что нам и нужно. Все, синьор Паоло, мы пришли именно в то место, куда заказчик приказал доставить груз. Прямо над нами – Кремль. Вон в той стороне – Спасская башня, а там – Троицкая. Да, не слабо мы отмахали – километров пятнадцать, не меньше. В толк только не возьму – зачем эту хрень надо прятать так далеко? Можно было и у самого входа в катакомбы так замаскировать, что ни одна собака не унюхала бы.

– Желание заказчик – закон. Он нам платить огромный деньги, – хмуро уведомил «метр с кепкой». – Нам надо прятать груз. Нужен найти ниша в камень, туда положить, маскировать. Давайте, давайте, искать ниша, искать!

Проводник обошел все углы грота и в одном из них обнаружил длинный лаз, ведущий в смежный бесформенный грот, изобилующий всякого рода разломами и трещинами в стенах. Найдя подходящую выемку, проводник и носильщик затолкали в нее груз, не распаковывая вещмешка, и заложили его кусками камня. Теперь едва ли можно было бы догадаться, что здесь что-то спрятано.

– Так, синьор, нам сообщили, что всю сумму денег за работу по доставке груза заказчик передал через вас. Когда мы сможем получить свою долю целиком? – спросил он у иностранца.

– Задаток я вам уже отдал, – недовольно парировал итальянец. – Остальной часть находится в гостиница. Там, в мой номер, я их забирать и отдать вам весь оставшийся часть деньги, например, у зоопарк.

– У меня другое предложение. Выходим на поверхность и все вместе едем в гостиницу. Так, на всякий случай...

– Вы мне что, не доверять?! – зло огрызнулся итальянец. – Я вас не обманывать. Расчет гарантировать синьор Геннадю. Он вам обещать – я делать. Вы мне верить? Хорошо. Назад мы пойдем другой дорога. Если за нами кто-то следить, он не должен знать наш конечный цель. И, будете добры, дать мне ваш план.

Он взял у проводника план их подземного маршрута и, осмотрев его при свете фонаря, спрятал в задний карман брюк. Потом достал аэрозольный баллончик краски и ярко-красной струей нарисовал на стене грота что-то наподобие летящего орла с изогнутой саблей в когтях. Кончив рисовать, он швырнул баллончик куда-то в угол. Точно такого же орла перед началом пути он нарисовал и у входа в катакомбы.

Путники покинули грот и тем же порядком продолжили свое путешествие – первым двинулся проводник, за ним синьор Паоло, последним зашагал носильщик. По узкому извилистому ходу они описали большой полукруг, потратив на путь около часа. Затем по наклонной галерее с полом, покрытом липкой грязью, они вновь пошли на подъем. Еще через полчаса, протиснувшись в неприметный боковой лаз, оказались в довольно просторном гроте. Обща-

рив стены лучом фонаря, проводник нашел в одной из стен кладку, выполненную из плоских кусков известняка, из-за которой явственно доносилось непонятное журчание и плеск.

– А вот и то, что нам нужно, – проводник начал разбирать кладку. – Здесь проходит большая канализационная труба. Сейчас спустимся в нее, отсюда идем вправо около километра и там выходим на поверхность.

Когда камни были убраны, открылась пустота, из которой донесся шум бегущего потока. В нос ударила тяжелая волна канализационных испарений.

– Тьфу! Какой здесь вонь! – скривившись, плюнул синьор Паоло.

– Ха! В вашей римской канализации, думаю, тоже пахнет не духами, – хохотнул проводник. – Вот, интересно, как вы собираетесь форсировать нашу московскую канализацию? Я же вас предупреждал, чтобы вы тоже надели резиновые сапоги.

Он продемонстрировал свою ногу. Высокие ботинки синьора Паоло, разумеется, ни в какое сравнение с ними не шли.

– Ничего, это не проблем, – иностранец издал короткий сдавленный смешок и что-то быстро достал из-за пазухи.

Его спутники, заподозрив недоброе, в последнее мгновение отпрянули в темноту, но было поздно. Приглушенно хлопнули два выстрела.

– За что?! С-сука!.. – падая на пол, прохрипел проводник.

Носильщик умер мгновенно, без единого звука рухнув на неровный камень пола. Подсвечивая фонарем, синьор Паоло в упор выстрелил обоим в голову. Сняв с них сапоги, он сначала примерил обувь носильщика. Но та оказалась ему слишком велика. Зато сапоги проводника оказались почти в самый раз.

Заглянув в открывшийся ход, синьор Паоло посветил туда фонарем и увидел круглый туннель бетонной канализационной трубы, по дну которой бежал поток темной зловонной жижи. Неподалеку от пролома из стены выступал конец другой железной трубы, меньшего диаметра, откуда в туннель непрерывно извергалась широкая струя грязно-черной мути. Синьор Паоло подтащил к лазу проводника и, перевесив его через край прогала, сбросил вниз безжизненное тело. Следом, с громким плеском, упал носильщик. Посветив им вслед, синьор Паоло убедился, что мертвецы, подхваченные стоками, исчезли в темени трубы. Затем он выбросил в канализацию все, что валялось на полу, и, сунув свои ботинки под мышку, спустился в канализацию.

Пригнувшись, чтобы не задевать головой за свод туннеля, он пошел вправо, навстречу бегущим струям. Атмосфера, насыщенная аммиаком и сероводородом, стесняла дыхание. Кислородный аппарат, переставший работать еще во время последнего подъема, болтался на плече бесполезным грузом, и синьор Паоло с досадой бросил его под ноги. То и дело накатывала тошнота, ломило в темени и висках.

Но синьор Паоло с настойчивостью заведенного механизма шел и шел внутри этой огромной бетонной кишки, покрытой слоем черной липкой плесени. Его ноги, юзившие по скользкому бетону, одеревенели и подгибались. Но здесь нельзя было не то что присесть – омерзительно было просто прикоснуться к стенке трубы. Вдобавок ко всему, ослепительно-белый луч фонаря постепенно начал тускнеть, делаясь красноватым, что означало переразряд аккумуляторов. Синьор Паоло с досадой вспомнил, что фонари проводника и носильщика он опрометчиво не захватил с собой.

Это повергало в уныние и тоску. При одной лишь мысли о том, что скоро он может оказаться в этой бетонной клоаке без света и надежды найти выход, его охватывала невольная дрожь. Он снова изобразил все тот же ритуальный жест и попросил защиты у некоего загадочного божества. Шагая чуть не по колено в густой как деготь жиже, синьор Паоло напряженно вглядывался в мрак, надеясь увидеть хоть что-то, напоминающее смотровой колодец, где, условно, можно было бы найти выход наружу. В конце концов судьба над ним как будто сжа-

лилась, и он внезапно с облегчением увидел впереди широкий квадратный колодец со стенами, выложенными кирпичом.

Посветив тусклым лучом внутрь колодца, синьор Паоло заметил ржавую железную лестницу, прикрепленную к стене. Высоко над головой темнел бетонный потолок, на котором четко выделялся черный круг люка. Обрадованный синьор Паоло из последних сил подтянулся на нижней ступеньке лестницы и, с трудом достав до следующей, тяжело дыша стал медленно взбираться наверх. Шум и плеск бегущих стоков, доносящийся снизу, стал приглушеннее, откуда-то сверху повеяло свежестью. Но когда он был уже примерно в метре от люка, под штырями, торчащими из стены, к которым сваркой была прихвачена лестница, что-то внезапно хрустнуло, и... синьор Паоло с ужасом почувствовал, что вместе с верхним звеном лестницы падает спиной вниз.

– А-а-а!.. – единственное, что успел он крикнуть перед тем, как весь, целиком, ушел в зловонную жидкую грязь.

Он успел услышать громкий плеск и ощутить болезненный удар спиной и затылком о какие-то острые камни, лежащие под стоками на дне колодца. Тело, парализованное болью, стало вялым и непослушным. Тяжелое звено лестницы давило на грудь и не давало возможности хотя бы приподнять голову над поверхностью. В его рот и ноздри хлынула омерзительная липкая жижа. Он отчаянно забился, ощутив приступ отчаяния и предсмертного ужаса, но менее чем через минуту все было кончено. Синьор Паоло захлебнулся, и его изувеченное при падении тело осталось на дне сточной ямы, без надежды быть найденным и погребенным.

Глава 1

Раздраженный звонок телефона, выдавшего свою трель отрывисто и зло, застал Льва Гурова за завершением оформления очередного бумажного «урожая». Он уже занес руку, чтобы, коротко черкнув свой автограф на последней странице отчета, поставить на законченном деле большущую точку (и в прямом, и в переносном смысле), как его остановило противное и требовательное «Д-р-р-р!..»

Бросив ручку, Гуров поднял трубку. Голос генерал-лейтенанта Орлова звучал с какой-то непонятной хитрецей.

– Лева, а Станислав на месте? – спросил тот, как будто не зная, что Стас Крячко имеет обыкновение хронически опаздывать на работу.

– Ты совершенно правильно догадался, что его здесь нет, – известил Гуров.

– Да? Ну, ты это... свои дела уже закончил? Ты сегодня вроде собирался закругляться.

– Петр Николаевич, опять издалека заходишь? Говори прямо: собираешься преподнести мне какой-нибудь «подарочек»?

– Да при чем тут «подарочек»?.. Гм... Ладно, раз уж Стаса нет, зайди один. Кое о чем перетолкуем.

– Ну хорошо, хорошо. Зайду! – Гуров бросил трубку, заранее понимая, что о намечавшемся вояже в Питер, куда они собирались в ближайшие дни съездить с Марией, придется опять забыть.

«Господи! Да что ж за напасть такая! – усмехнулся Гуров, откинувшись на спинку стула и стиснув кулаки. – Ну почему я должен вечно обманывать свою законную жену, без конца обещая ей куда-нибудь с ней сходить, съездить, и каждый раз – откладывать, откладывать, откладывать «на потом»?.. Вот, блин, надыбал себе работенку! Добро бы, получал за нее кучу денег. А то – дадут, и домой нести неловко. Все! Пора начинать брать взятки! В особо крупных размерах...»

Оборвав свои философствования, он в сердцах отрывисто стукнул кулаками по столу и направился к двери. Едва не столкнувшись с ним лоб в лоб, размахивая чем-то, скрученным в трубку, в кабинет почти вбежал Стас, собственной персоной.

Оперуполномоченного главка Станислава Крячко приятели звали Стасом еще с той поры, когда он пришел работать в МУР совсем молодым лейтенантом. Крячко в любой компании мог моментально стать ее душой, всех без конца тормоша, будоража и веселя. Неслучайно их со Львом старый приятель генерал-лейтенант Орлов как-то заметил: «Стас, у меня складывается впечатление, что ты, хоть у тебя и нет пропеллера, но все же состоишь в близком родстве с Карлсоном. Даже голосом похож...»

– Лева, – Крячко с громким шелестом развернул какую-то газету и сунул Гурову прямо под нос, – ты только почитай, что про нас опять накатала эта зараза Быстряева!

Взяв измятый номер «Ночного бульвара», тот пренебрежительно усмехнулся:

– С каких это пор ты начал зачитываться «желтой прессой»? – едко поинтересовался Гуров, натываясь взглядом на визгливый заголовок «Писан ли закон для «ментов в законе»?» – Я, даже не читая, заранее могу сказать, что ничего, кроме заурядного безмозглого твяканья, в этой газетенке не найдешь. «Скунс пера» – она и есть – «скунс пера».

– В целом – да, – согласился Крячко. – Клеймит «треклятых ментов» и, в частности, тебя за «воспрепятствование международному культурному обмену». Ты же месяц назад повязал жулье, которое чистило музеи? Так вот, оказывается, это – «прометеи, несущие цивилизованному Западу свет русской культуры». Выходит, зря мы с ними так – их надо не сажать, а награждать медалью матери Терезы. А еще из-за нас, оказывается, сорвался визит в Москву делегации университета города Палермо.

– Что, и там есть университет? – удивился Гуров. – Я почему-то всегда думал, что раз Палермо административный центр Сицилии, то там, кроме вилл главарей тамошней мафии, больше ничего и не существует.

– Выходит, существует. А ты куда наострился?

– Нас с тобой ждет группенфюрер Орлофф. – Гуров отодвинул Стаса и протиснулся в коридор. – Он только что звонил. Чую – что-то припас по нашу душу. Уж такие делал дальние закидоны, что и дураку было бы понятно – неспроста так мягко стелет.

Генерал Орлов их появление отметил энергичным кивком, не отнимая от уха телефонной трубки.

– ...Ну то, что он там лежал около трех суток, я уже знаю, – сердито сказал он своему собеседнику. – Мне уже звонили и в целом с этой информацией я знаком. Меня интересует другое. Его по отпечаткам пальцев уже идентифицировали? Так вот и займитесь этим.

Он положил трубку и выжидающе посмотрел на приятелей.

– Это не ты на нас должен смотреть так вопросительно, а мы на тебя, – садясь в кресло, заметил Гуров. – Ну рассказывай, Петр Николаевич, какую бяку подготовил нам на этот раз.

– Ишь ты, «бяку»! – передразнил Орлов. – Ну почему обязательно «бяку»? Интересное, можно сказать, увлекательное дело нарисовалось. Сам бы взялся, да, знаете ли, должен же кто-то нашим отделом руководить...

– А если без рекламы? – нетерпеливо спросил Крячко.

– А без рекламы... Дело, братцы, очень серьезное. Я не преувеличиваю. Сами знаете, – Петр изобразил великодушный жест, – по пустякам я вас никогда не загружаю. А суть его вот в чем. Вчера в одном из коллекторов городской канализационной сети случайно был обнаружен труп мужчины средних лет с двумя огнестрельными ранениями.

– Ой! Ой! Ой! – съерничал Станислав. – Таких находок в канализационной сети – воз и маленькая тележка. А вообще, мужики, и в самом деле: что за идиотская мода пошла? Пифпаф – и в канализацию?... Так что же за «фишка» в этом, отдельно взятом случае, о котором мы имели честь услышать?

– «Фишка» в том, что у убитого в кармане обнаружена визитка итальянской торговой фирмы. А три дня назад из одной гостиницы ушел и не вернулся проживавший там итальянец Паоло Розелли. Правда, опера райотдела, который сейчас и занимается этим случаем, предполагают, что убитый вовсе не итальянец. Возможно, они и правы. Но мне кажется, что даже если это два совершенно разных случая, они все равно каким-то образом меж собой связаны.

– И ты, ясное дело, хочешь кого-то из нас впрячь в этот хомут? – Гуров понимающе покачал головой.

– Между прочим, я еще не выпрягся из старого хомута! – с ликованием объявил Крячко. – Мне еще добивать заказуху на Тверской.

– И когда же ты думаешь с этой заказухой развязаться? – язвительно спросил Петр, сердито засопев носом. – Уже неделю колупаешься. Лева вот за это время успел раскрутить два дела. С последним, Лев, я так понял, ты уже разделался от и до?

– Разделался, разделался... – понимая, что сейчас все концы сойдутся именно на нем, нахмурился Гуров. – Только что это меняет? Я уже две недели пашу без выходных. Мы с Марией собирались съездить на пару дней в Питер. Смешно сказать – за всю свою жизнь я в Эрмитаже был всего лишь раз. И то, в связи с проведением расследования пропажи царской диадемы. Да что там Эрмитаж! Здесь, в Москве, ни разу не был в большинстве музеев! Я что – робот?! Поменяли батарейки – и дальше паши?

– Полковник Гуров! Ты же офицер – к лицу ли тебе подобное нытье? Сам ведь, стоит мне заикнуться о своих проблемах, тут же утыкаешь: это, дескать, издержки твоего начальственного положения. Верно? Так это же самое я могу сказать и тебе: это издержки твоей незамени-

мости. Ну нет у меня другого спеца такого уровня! А тут никак нельзя допустить, чтобы и этот случай дополнил коллекцию наших хронических висяков. Так что, давай обойдемся без долгих уговоров – сам ведь прекрасно понимаешь, что я все равно не отстану. Тут на карту поставлен, можно сказать, международный престиж российских сыскарей. Масштаб воспринимаешь?

– Только не надо давить на патриотизм, – поморщился Гуров. – Обойдемся без высокого «штиля». Я в патриотах состою со времен своей октябрятской «звездочки». Уж так нас воспитали. Идеологически настропалили – дальше некуда. Так что, тебе на этой грядке делать уже нечего. Ну, давай, давай это «увлекательное» дело. Как же оно некстати! Так... Какой райотдел им сейчас занимается? Давай их телефоны, явки, шифры, пароли...

– Чего? – насторожился Орлов, но по взгляду Льва тут же догадался и без пояснений, что «шифры», «явки» и «пароли» – не более чем прикол. – Опять все та же, ваша «фирменная» клоунада, – устало резюмировал он. – Ладно, записывай...

Час спустя с опером райотдела, подвижным как ртуть, майором, Гуров отправился в морг. Судмедэксперт Дроздов, уже закончив осмотр тела убитого, неторопливо, как бы подчеркивая значимость выполненной им работы, излагал результаты осмотра и вскрытия:

– Судя по трупным изменениям, смерть наступила трое суток назад. Первый выстрел был выполнен в грудь с расстояния примерно двух-трех метров. И хотя эта рана была, в принципе, смертельной, умер он после второго выстрела в голову, выполненного почти в упор. Судя по входному отверстию в кости, убийца использовал оружие калибра девять миллиметров. Это, скорее всего, или пистолет Макарова, или немецкий «вальтер».

– Пули не обнаружены? – спросил Гуров.

– Нет, обе прошли навылет, – сухоvalo пояснил Дроздов. – Убитому около сорока лет, рост около ста семидесяти восьми сантиметров, физически развит, хотя «качком» его бы не назвал. На теле несколько шрамов. На животе – давний, послеоперационный рубец после перенесенного аппендицита. На правом плече старый шрам, предположительно, от удара ножом. На левом бедре отметина от сквозного пулевого ранения. Тоже давнего. На левом плече – татуировка, эмблема какого-то подразделения спецназа. Ее, судя по всему, наш «клиент» пытался вытравить, поэтому она очень размыта, уточнить ее детали не представляется возможным.

– Отпечатки пальцев уже сняли?

Гуров оглянулся на анатомический стол, где под белой тканью угадывались контуры укрытого ею человеческого тела.

– Да, уже отправили на идентификацию, – кивнул Дроздов.

– Ну-ка, давайте посмотрим, что там за эмблема... – Лев подошел к столу. – Вдруг что-нибудь да разглядим? Ее, кстати, крупным планом засняли?

– Да, фотосъемка выполнена во всех ракурсах и деталях, – откидывая покрывало, сообщил Дроздов. – Что интересно, целы практически все зубы. На весь рот – всего две пломбы, справа сверху и слева снизу. Везунчик... Со стоматологами, считай, не пересекался.

– Везунчик?! – саркастически рассмеялся Гуров. – Да уж, «счастливее» его – не найти. Ты со своими вставными железками еще не знаю сколько пробегаешь, а он с сохранившимися, родными – досрочно «сыграл в ящик».

Осмотрев вздутое изнутри плечо убитого, под кожей которого уже расплылись бесформенные зеленоватые трупные пятна, Лев в контурах синеватых обрывков линий татуировки увидел что-то знакомое.

– По-моему, – задумчиво отметил он, – эмблему такой же формы я уже видел. Да, точно, видел. Лет десять назад мы взяли киллера. Бывший афганец, служил в спецназе снайпером. Так вот, у него на плече было что-то похожее.

– Ну и замечательно! – отметил майор. – Значит, есть возможность уточнить, что это за «лейбл». Тот киллер еще сидит? Ему сколько дали?

– Да дали-то ему около двадцати лет строгача. Только он уже давно не сидит, а лежит. Всего год спустя после вынесения приговора его убили. То ли убрали как нежелательного свидетеля, то ли это была чья-то месть. Он же столько убрал криминальных авторитетов – на руках пальцев не хватит.

– Честно говоря, – проворчал майор, – будь моя власть, я бы его не на нары отправил, а дал новую винтовку и патронов побольше. Если бы не велся отстрел всякой мрази, вообще бы продыху не было.

– Отчасти с этим согласиться можно. – Лев задумчиво вздохнул. – Да, случается, и мне приходят такие мысли.

– Там в пакете его личные вещи, – напомнил о себе Дроздов. – Смотреть будете?

– Давайте посмотрим, – согласился Гуров. – Помимо визитки при первичном осмотре в вещах еще что-нибудь нашли?

– Мобильный телефон, металлическую фляжку с остатками коньяка, – начал перечислять майор, – армейский компас, нож с выкидным лезвием... Еще что у него было? Пачка размокших сигарет, зажигалка, деньги в сумме около полутора тысяч рублей. Вроде все.

Дроздов вызвал санитара, и тот принес черный пластиковый мешок, из которого вывалил на выложенный плиткой пол мокрые, пахнущие канализацией, джинсовые брюки и куртку, рубашку, мужские трусы свободного покроя, черные носки.

– Головного убора и обуви на нем не было, – пояснил майор.

Санитар надел резиновые перчатки и проверил карманы брюк и куртки. В заднем кармане джинсов, закрытом на застежку-молнию, обнаружилась связка из трех ключей, а в нагрудном кармане рубашки – коротенькая пластмассовая расческа.

– Блин! – несколько сконфузился майор. – Вчера вроде все досконально осмотрели...

Но еще большее оживление вызвала находка в крохотном кармашке трусов. Санитар извлек из него запечатанный пластиковый конвертик с презервативом.

– Да, похоже, парень был не промах – в полной мере соответствовал скаутскому лозунгу «Всегда готов!» – с грустной иронией усмехнулся Гуров. – И, вполне возможно, именно поэтому в свои сорок был одинок.

– А почему вы считаете, что он был одинок? – заинтересовался майор.

– На одной связке – сразу три ключа: от квартиры, автомобиля и почтового ящика. Конечно, не исключены варианты, но обратите внимание, как пришита пуговица на рубашке – мощно, с запасом. Женщины делают это гораздо изящнее.

– Да, действительно, – подивился Дроздов. – Я бы и не подумал. И что же из этого следует?

– Если по отпечаткам пальцев убитого опознать не удастся, то сделать это будет довольно непросто, – озабоченно констатировал Гуров, – раз никаких документов при нем не оказалось. А раз он одинок, то едва ли кто подаст на розыск пропавшего без вести. Кстати, смотрите – нет одной пуговицы на куртке. Это надо взять на заметку – вдруг она где-нибудь обнаружится? Вещи следовало бы просушить и засклалировать, как вещдок. А пока что у нас всего одна реальная зацепка – его мобильный. Он сейчас где находится?

– Вместе с остальными вещами у нас в отделении, – сообщил майор, наблюдая за санитаром, укладывающим в пакеты вещи убитого.

Прибыв в райотдел, Лев прошел вслед за майором в его кабинет. Тот с явным облегчением достал из несгораемого ящика черный пластиковый пакет. Затем передал бумажный конверт со снимками и скоросшиватель с первичной документацией – рапортом участкового, протоколами опроса свидетелей и прочим.

В управление Лев вернулся уже к обеду. Войдя в свой кабинет, он увидел Стаса, корпевшего над бумагами. Тот трудился столь упорно, что даже не обратил на него внимания. На лице Крячко было написано вдохновение и даже некоторый энтузиазм. Однако когда Гуров

подошел поближе, то понял, что объектом столь усердного приложения сил Станислава были вовсе не какие-либо служебные документы, а... замаскированный ими сканворд.

– Совсем обнаглел! – только и смог сказать Лев, с сердитым изумлением глядя на это вопиющее безобразие. – Всего пару часов назад этот хитромудрый бездельник плакался у начальника, жалуясь на свою сверхзагруженность. Но на сканворды, оказывается, у него время есть!

– Лева! Ты все как-то неправильно, превратно воспринимаешь, – конфузливо хмыкнул Крячко, отрываясь от столь захватившего его занятия. – Во-первых, должен же я давать передышку своим мозгам?! А то ведь если постоянно думать об одних лишь бандюгах, можно и... вообще неизвестно до чего дойти. Свихнуться, например. Во-вторых, сканворды – и это уже доказано учеными – лучшее средство повышения уровня эрудиции. Вот, скажи мне, как человек близкий к театру: что освещает театральную сцену? Пять букв.

– К театру я, вообще-то, не ближе, чем ты, – отмахнулся Гуров. – Те два года, что я отдал «Шуке», давно ушли в небытие. А что касается повышения уровня эрудиции... Откровенно говоря, об эрудиции я бы помолчал, поскольку за последние годы ничего иного, кроме неуклонного роста твоей ЭРО-диции, я при всем старании отметить не могу.

– Да ладно тебе, Лев! – надулся Крячко. – Иной раз, как какая-нибудь старая перечница, язвить начинаешь... Злишься, что я от этого дела отпихнулся? Так и мне самому выходные нужны как воздух. Я дома ремонт уже месяц как затеял, и все никак не закончу.

– Тогда тем более – какие могут быть сканворды? Эх ты, эрудит-самоучка, – усаживаясь на свое место, Гуров покачал головой. – Кстати, сцену в театре освещают софиты.

– О! Точно, софит! – обрадованно воскликнул Стас, хватая авторучку. – Ведь слышал же когда-то это слово, а что к чему – в памяти не отложилось. Кстати, у тебя-то как движутся дела? Уже есть что-то интересное?

– Сейчас вот пойду отдавать этот телефон компьютерщикам, – Лев показал небольшой мобильник со всевозможными «наворотами». – Пусть выжмут из него все, что только можно. Отпечатков его хозяина, увы, в картотеке не обнаружилось.

– Это телефон убитого? – Крячко с интересом вытянул шею. – Мне так кажется, мужик был небедный. Такая мобила штук пять-семь стоит... Больше! До десяти.

Когда через полчаса Гуров вернулся обратно, сканворда на столе Стаса уже не было. С постным лицом тот листал какое-то дело, всем своим видом давая понять: вот видишь – я работаю! Сев за стол, Гуров достал из кармана телефон-вещдок. Штатный спец свое дело знал хорошо, и мобильник, достаточно быстро приведенный им в рабочее состояние, функционировал как новенький. Он без особых затруднений смог выяснить, что сим-карта зарегистрирована на некую Алевтину Даниленко.

– Хреново дело... – вслух констатировал Лев, рассматривая мобильник. – У меня такое ощущение, что здесь неминуем полный облом. Как это ни грустно, но я пока что буксую на месте. Ладно, попробую созвониться с этой мадам по ее городскому телефону. Благо, парни пробили ее номер через свою базу данных.

Однако на том конце провода никто не откликнулся.

– Голяк? – сочувственно спросил Стас, отрываясь от чтения дела.

– Голяк... – подтвердил Гуров, поймав себя на том, что начал нервно барабанить пальцами по столу. – Кстати! Тут появилась одна интересная мыслишка...

– Это какая же? – прищурился Крячко.

– А ты не отвлекайся! – Лев строго помахал указательным пальцем. – У меня – свой огород, у тебя – свой.

– Да ладно, не будь жадиной-говядиной! – примирительно вздохнул Станислав. – Вообще, ты всегда так азартно работаешь, что просто завидно делается. Прямо так и хочется попроситься: а меня в игру примешь?

– Может быть, однажды и приму, – от души рассмеялся Гуров. – Если будешь хорошо себя вести. Значит, говоришь, какая у меня мыслишка? Надо бы поискать среди личного состава райотделов бывших диггеров. Ну это знаешь, те, которые по всяким подземельям лазят. Пусть проверят канализационные магистрали изнутри. А сверху стоит пустить поисковые группы, чтобы осмотрели шахтные люки у смотровых колодцев. Вдруг еще что-нибудь обнаружится?

– Хм... Дельно! – одобрил Крячко.

Уже знакомый Льву майор, с которым он созвонился, его идею тоже одобрил, хотя и особого энтузиазма не проявил.

– У нас, кстати, в отделе есть двое ребят, – сообщил он, – так они до сей поры в свободное время по всяким подземельям шастают. Им даже прозвище дали, прямо как у Короленко – «Дети подземелья».

– Это замечательно! – Гуров даже не ожидал, что ему так повезет – диггеры нашлись сами собой, и теперь не нужно было, разыскивая их, бегать по всей Москве. – Задача такова: парней экипировать в химзащиту, вплоть до противогазов. Пусть они пройдут по всем трубам, что ведут к коллектору, где был обнаружен труп. А вторая группа пусть пройдет вдоль люков. Ну не может быть, чтобы ничего нигде не осталось.

– Займемся... – лаконично пообещал майор, положив трубку.

Позвонив Алевтине Даниленко еще раз и вновь не дождавшись ее ответа, Лев решил обзвонить номера, которые сохранились в оперативной памяти мобильного-вещдока, поскольку в «записной книжке» телефона их не оказалось ни одного. Это тоже давало шанс установить личность убитого и хоть как-то начать распутывать это дело. Проверив счет мобильного, Гуров обнаружил, что на нем лежит почти сотня долларов.

– Да-а!... – удивленно отметил он. – Мужик на переговоры не скупился. Видимо, ему было о чем и, главное, с кем поговорить.

Набрав последний по времени номер из числа входящих, он неожиданно услышал в трубке раздраженный обиженный женский голос.

– Что, бесстыжий, все же соизволил позвонить? Эх ты, трепло, пустозвон! – женщина говорила, срываясь на крик. – Я, дура, думала, что у него какие-то важные дела. А он, гусь лапчатый, по городу со всякими шлюхами мотается. Думала, что хоть один – мужик как мужик. А на деле – пустоцвет, мыльный пузырь, прохиндей и пройдоха!

– Одну секунду! – Лев с трудом вклинился в этот бурный поток излияния чувств. – Прежде всего, здравствуйте. Я вовсе не тот, кто вас, я так понимаю, чем-то обидел.

– А... Кто же вы? – растерянн осеклась женщина. – Вы же звоните по телефону Артема? Вот – я вижу его номер.

– Да, это его телефон. Но в руки он мне попал случайно. И я хотел бы его вернуть хозяину. Но не знаю, как его найти.

– Вон оно что... – женщина разочарованно вздохнула. – А я уж было подумала, что это он сам позвонил. Постойте! А как же получилось, что его телефон оказался у вас? Он его что, потерял?

– Ну, в общем-то, да. – Гуров решил ей пока не говорить о смерти хозяина мобильного. – Может быть, вы мне подскажете, как найти Артема?

– Если бы я это знала... – женщина всхлипнула. – Простите, а вы кто?

– Полковник милиции, Гуров Лев Иванович.

– Вы из милиции?! С ним что, что-то случилось? Скажите, я вас прошу! – в голосе женщины зазвучала неподдельная тревога.

– Знаете, нам с вами, наверное, следовало бы встретиться. Я хотел бы задать вам ряд вопросов. Ну и, соответственно, ответить на какие-то ваши.

– Хорошо ... – упавшим голосом согласилась женщина.

Записав адрес собеседницы, Лев набрал следующий по очередности номер. Раздался гудок и откуда-то издали донесся механический женский голос, что-то говоривший на непонятном языке. Гуров сумел разобрать лишь отдельные слова: «буон джорно» и «грациэ». «Видимо, автоответчик, – догадался он. – Причем автоответчик, говорящий по-итальянски».

– Ничего себе! – сказал он вслух, обнаружив, что финансовые резервы телефона сократились довольно ощутимо.

– Что там такое? – Крячко вновь оторвался от бумаг.

– Очень даже может быть, что я сейчас звонил в Италию. – Лев недоуменно улынулся. – Мне ответил автоответчик, по-итальянски. У нас же такой никто не поставит? Как думаешь?

– А вдруг ты попал в итальянское посольство? Или, скажем, в ту итальянскую фирму, визитку которой нашли у убитого?

– Может быть, это и фирма, но не та. На визитке – наш, московский адрес, а с телефонного счета ушло денег, как будто я звонил куда-нибудь на Берег Слоновой Кости. Ладно, тут еще два номера. Один повторяется раза три. Может, там кто аукнется?

Его надежды оправдались. Мягкий женский голос извещал:

– Московский офис фирмы «Дольче вита» приветствует вас. Мы рады вашему звонку и готовы к самому тесному и плодотворному сотрудничеству. Что вас заинтересовало в ассортименте товаров и услуг, предоставляемых нашей фирмой?

– Извините за беспокойство, но, знаете, – Гуров решил разыграть из себя безнадёжного простака, – я звоню вам по случайно найденному мною телефону. Его номер, я думаю, есть на вашем определителе. Суть дела в том, что я хотел бы вернуть этот мобильник его законному владельцу. Вот и обзваниваю всех тех, чьи номера остались в электронной памяти. Вы не могли бы мне помочь найти хозяина этого телефона?

Судя по всему, сказанное Львом на том конце связи вызвало некоторую заминку. Растерянно «поэкав», его собеседница наконец выкрутилась из явно щекотливого положения.

– Э-э... Я прошу меня извинить, но такой информации мы, к сожалению, вам предоставить не можем, – сказала она вроде бы совершенно спокойно, однако Гуров словно видел кого-то, стоящего рядом с ней и отчаянно изображающего руками запрещающие жесты. – Возможно, кто-то из наших сотрудников в частном порядке, вопреки служебной инструкции, использовал корпоративную связь в личных целях. Спасибо, что позвонили нам. До свидания. Желаем вам всего наилучшего.

В телефоне раздалась короткая гудка.

– Та-а-ак! – Лев положил мобильник и с хрустом потянулся. – А это уже что-то. Фирма, и это бесспорно, – с двойным дном. Их напугал мой звонок. А раз они боятся, значит, причины тому имеются. Вывод: эту фирму надо как следует прощупать. Теперь последний номерочек. Вдруг и здесь клюнет?

Он набрал номер, но на другом конце откликнуться почему-то не спешили. Наконец в телефоне раздался сипловатый тенор заядлого курильщика:

– Да, я слушаю.

– Простите, что беспокою, – Гуров продолжал играть роль простака, – но телефон, по которому вам звоню, я только что нашел. Суть дела в том, что я хотел бы разыскать его законного владельца и вернуть ему эту вещь. Не могли бы вы...

– Слушай, мент, ты кому мозги пудришь? – едко хмыкнул его собеседник. – Да я вас, сучар, за версту чую, даже с завязанными глазами!

– Что вы! Что вы! Какой я мент? – Лев старался давить на глуповатую наивность типичного «гомо советикуса». – Почему вы так решили? Просто...

– Чё, не понял? Повторить еще раз? Зря стараешься, ментяра, – меня не проведешь. Усек?!

– Господи! Да что за ерунда?! – смиренно возмутился Гуров. – Что вы такое говорите? Понимаете, я случайно на улице нашел этот телефон и хочу отдать хозяину. И только! А его как найдешь? «Стола находок» сейчас уже ни одного не осталось. Вот я и обзваниваю тех, кто сам звонил прежнему владельцу телефона. Хотите, отвезу телефон вам. Вы и отдадите.

– На хрен он мне нужен?! Я вот никак в толк не возьму, кто ты такой. Или, и в самом деле, полный затупок, или очень хитрый мент, – коротко хохотнул «крутой», как про себя Лев окрестил своего хрипато-хамоватого собеседника. – И вообще, тебе-то что за печаль? Ну пусть мобилу кто-то и посеял. Себе возьми, раз нашел. Ты что, шибко богатый?

Судя по всему, диалог с «дремучим лохом» его начал развлекать, и «крутой», сбавив нахрапистый нажим, заговорил с некоторым даже расположением. Лев это почувствовал и решил разговор затянуть подольше, чтобы тот, проговорившись, сообщил хоть что-то существенное.

– Понимаете, тут, у нас, в Черемушках я работаю в школе учителем физкультуры и географии. Ну и раз уж учу детей быть... э-э... честными, что ли... то, согласитесь, к лицу ли мне самому присваивать чужое? Ведь дураку понятно, что такой дорогой телефон мне не по карману. И если мои ученики заподозрят обман, в смысле того, что я говорю им одно, а делаю совсем другое, они меня просто будут презирать и игнорировать. Тогда хоть сразу увольняйся. Поэтому, согласитесь, все же лучше вернуть вещь за вознаграждение, чем пользоваться ею, боясь, что разоблачат.

– А-а... – «крутой» чуть удивленно кашлянул. – Вон чего! Ну это уже понятнее. А то заладил какую-то лабуду насчет морали... Ты мне вот что расчирикай – где именно нашел эту мобилу?

– Да вот буквально полчаса назад. Шел в аптеку и рядом с нашей станцией метро на газоне увидел в траве что-то черное. Поднял, а это мобильный телефон.

– Да-а-а?... – голос «крутого» стал озабоченно-задумчивым. – Хм... Ты вот что... Трубу эту оставь себе на память. Усек? Лишнего где попало про это не базлай. Нашел – и нашел. Никого не колышет. И по этому номеру больше не звони. Сейчас же его сотри, а то у тебя могут быть крупные неприятности. Дотукал? Ну ладно. Кончаем базар. Слушай, а твоя фамилия, случайно, не Лопухов?

По тону вопроса чувствовалось, что «крутой» решил напоследок себя повеселить. Гуров это понял и охотно ему подыграл:

– Нет, что вы! Моя фамилия Сифонов...

– Как?! – «крутой» буквально захлебнулся диким хохотом. – Ты это серьезно?! Ты что, и в самом деле – Си... Си... Сифонов?

– Да, конечно. Сифонов! – со скромным достоинством подтвердил Лев, вызвав еще более сильный приступ хохота. – Если не верите, могу дать телефон нашего директора – он подтвердит, что я действительно Павел Павлович Сифонов.

Вволю нахохотавшись, «крутой» заговорил уже почти по-приятельски:

– Ну, мужик! Ну, насмешил! Хотя, по правде сказать, с тобой малость побазарил – прямо как дома побывал. Как она там, «белокаменка»?

– Вы имеете в виду Москву? – переспросил Борис. – Да ничего, стоит. Правда, давно дождя не было – жара, пылица...

– Ну поклон ей от Гены Бизона. Ладно, будь здоров, чудило праведный...

Раздались короткие гудки. Гуров посмотрел на счет – денег ушло впятеро больше, чем после первого звонка.

– Ага! Есть контакт! Ключуло! – он энергично стукнул по столу кулаком. – И неплохо ключуло. Теперь нам нужно выяснить, кто же он такой, этот Гена Бизон.

– Он что, себя назвал?! – Стас обалдело воззрился на Льва. – Ну, ты даешь! Лихо раскрутил... Завидую!

– Иначе и не умеем! – выходя из кабинета, Гуров задорно подмигнул.

Когда он скрылся за дверью, Крячко с досадой посмотрел на лежащие перед ним бумаги.

– У, зараза! – стукнул он кулаком по скоросшивателю. – Скорее бы с тобой разделаться. Ничего, еще час – и я свободен.

Однако его надежды сбылись даже раньше. Стремительно покончив с бумажными делами – стопроцентно установленный обвиняемый уже сидел в Лефортово, и требовалось лишь доработать аргументацию, которая бы не позволила прожженному прохиндею, а теперь еще и мокрому, на которого работали столь же прожженные адвокаты, изменить содержание под стражей на подписку о невыезде – Станислав Крячко явился пред ясны очи генерала Орлова.

Когда Гуров вернулся в кабинет, Стас сидел за своим опустевшим столом, картинно хмурый и безрадостный.

– Ну вот где, скажи, справедливость?! – Крячко вопрошающе простер руки горе. – Только спихнул эту чертову мокруху, как меня опять подпрягли, наподобие того савраски. Так что, уведомляю: с этого момента я подключен к расследованию убийства неизвестного, обнаруженного в канализации.

– Кем подключен? Орловым, что ль? – сдержанно поинтересовался Лев. – Он тебя что, к себе вызывал?

– Да нет, я зашел к нему доложить, что... Ну, что дело передал следователю. – Стас возмущенно закашлялся. – А он, понимаешь, с ходу – в лоб: Леве тяжело, Лева зашьется... Давай к нему. Ну вот и...

– Понятно. – Гуров с нарочитым сочувствием покачал головой. – Да, Стас, да... Не повезло тебе. Хотя... А зачем ты вообще на доклад потащился? Мог бы и завтра доложить.

– Да, мог бы! – вспыхив от того, что его раскусили, Крячко вызывающе подбоченился. – Но ведь ты же и в самом деле зашьешься! Ну не могу же я своего друга не поддержать в трудную минуту!

– Особенно, если появилась необходимость срочно отпихнуться от стопроцентного висяка – крупнейшей аферы, где ни концов, ни свидетелей, ни улик...

– А... Ты откуда знаешь?

– Стас!.. – чуть снисходительно рассмеялся Гуров. – Когда это было, чтобы в нашей конторе что-то оставалось тайной более пяти минут? Но я ценю твой порыв, твой энтузиазм и с удовольствием беру в компанию. Ладно, давай теперь уж вместе разберем, что тут нам сорока на хвосте принесла. Выяснил я, кто он, этот Гена Бизон. По паспорту – Бузин Геннадий Федорович, шестьдесят пятого года рождения, уроженец Зеленограда, образование незаконченное среднее. В заключении был трижды. Первый раз сидел еще в малолетке, за грабеж. После освобождения сколотил банду и промышлял рэккетом. Снова сел. Третий срок получил за торговлю оружием и наркотиками. Что-то не поделил со своими «коллегами», и те его «заказали». Бежал за границу. Где сейчас находится – неизвестно.

– То есть, следует понимать так, что убитый – подельник этого Бизона? – констатировал Крячко. – Тогда надо бы поднять дела тех, кто входил в его группировки.

– Уже подняли. Нашего «клиента» среди них не оказалось, – Лев со вздохом развел руками. – Кстати, как выяснилось, нескольких членов рэкетирской банды Бизона следствию установить так и не удалось. Поэтому, возможно, убитый из числа этих «неизвестных героев».

– А номер мобильного Бизона пробивали? Может, это что-нибудь могло бы дать?

– Пробивали! Он оформлен на восьмидесятилетнего деда, которого уже год как нет в живых. Тут вот наш Дроздов расстарался. Мы в одежде убитого нашли расческу. Он, надо отдать ему должное, подсуетился и забросил ее ребятам в химлабораторию. Я с ними созвонился, они пообещали, что выжмут из этой расчески по максимуму. Где-то через час результат уже будет готов. А пока давай-ка еще раз позвоню этой неуловимой Алевтине Даниленко.

На этот раз Алевтина откликнулась.

– Алло, я вас слушаю! – молодой женский голос звучал задорно и весело, с долей какого-то лихого кокетства.

– Здравствуйте, – Лев откашлялся, – это Алевтина Даниленко?

– Да, это – Алевтина Даниленко. И кому же она понадобилась, хотелось бы знать?

– Понимаете, я вам звоню по мобильнику, номер которого оформлен на вас. Я случайно нашел его на улице и решил узнать: что же это за миллионерша, которая дорогие мобильники разбрасывает направо и налево?

– А он давно уже не мой. – Алевтина сообщила об этом совершенно беззаботно, словно речь шла о паре стоптанных туфель. – Я уже почти год как его продала.

– И кому же так повезло, если не секрет?

– Я его не знаю вообще. Такой довольно интересный мужчина. Сколько ему лет, сказать не могу – смотрелся вполне молодо. Мы с ним вместе ехали в троллейбусе. Он подсел ко мне на свободное место. Увидел мобильник – я по нему в это время говорила с подругой – сказал, что всю жизнь мечтал о таком же. А я ему ответила, что мечтать не вредно. Он засмеялся: я бы, говорит, не против помечтать с вами на пару. Ну а я ему: у меня давно уже есть с кем мечтать. Он мне: может быть, хотя бы насчет телефона договоримся? И достал триста баксов. А мне тут как раз деньги нужны были позарез. Ну я сразу же и согласилась. За то, чтобы и моя «симка» осталась, он накинул еще сотню баксов. А что? Мая вэшчь, – перейдя на утрированный кавказский акцент, рассмеялась Алевтина, – куда хачу – туда и ставлю!

Гуров попрощался со словоохотливой собеседницей и положил телефон на стол.

– Ну как, хоть что-то стоящее сообщила? – подперев голову кулаком, озабоченно спросил Крячко.

– Если не считать того, что мы очень мило пообщались, результаты, можно сказать, нулевые. Знаешь, есть женщины, от одного голоса которых таешь как сосулька. Они могут быть и не красавицы, но мужчины от таких уходят крайне редко. А телефон она этому Артему продала прямо в троллейбусе.

– Но я думаю, его фото ей все же стоило бы показать – а вдруг это не тот, кто купил телефон? Нельзя же исключать и того, что мобильник прошел уже через несколько рук?

– Мысль резонная, – согласился Лев. – Правда, я не знаю, что это нам даст на перспективу, но показать фото лишним не будет. Однако... – взглянув на часы, он присвистнул. – Тебе не кажется, что мы опять грубо нарушили правило: война – войной, а обед – строго по расписанию? Время-то уже приближается к трем.

– То-то я и смотрю, – Стас похлопал себя по животу, – что, о чем бы ни думал, все возвращается к одному и тому же – к мыслям о вкусной и здоровой пище.

Когда они вернулись из расположенного неподалеку кафе, Гуров первым делом решил позвонить в химлабораторию. Результаты исследования расчески были уже готовы. Услышанное его поразило. В комочках пыли, которая обычно скапливается между зубьями, были обнаружены... микрочастицы вулканического пепла. По мнению сотрудника лаборатории, хозяин расчески некоторое время назад посещал края, где есть активно действующие вулканы. Более полные результаты анализов было обещано прислать завтра.

– Ну и дела! – Стаса известие о вулканах привело в полное недоумение. – Это где же он их надыбал, эти самые вулканы? На Камчатку, что ли, ездил?

– А почему именно на Камчатку? – удивился Гуров. – Они разве только там есть? Их по всему миру – полным-полно.

– А почему не туда? Больше я не слышал, чтобы у нас где-то еще дымило. Или, по-твоему, этот Артем был за рубежом?

– Вот именно. Скорее всего, был где-то за границей. И раз уж тут каким-то боком припелась Италия, то почему бы не предположить, что он был именно там?

– А, помню! – Стас обрадованно согласился. – Там же вулкан Везувий. Есть даже картина – «Последний день Помпеи». Ее вроде бы Репин нарисовал?

– Ну, конечно же – кто кроме него такое нарисует? Он, и только он, – с самым серьезным видом подтвердил Лев. – Есть еще и продолжение этой темы – «Бурлаки у подножия вулкана пишут письмо турецкому султану». Автор тот же.

– Лева, издеваешься? Как не стыдно?! – уловив в его взгляде иронию, Крячко укоризненно вздохнул.

– Ладно, не дуйся, – рассмеялся Гуров. – Ты же говорил мне про то, как у тебя растет и крепнет эрудиция? Вот я и подумал, что она уже в полной мере развилась, и ты без подсказок знаешь, что «Помпею» написал Карл Брюллов.

– Да, хрен с ним, и с этим... Как его? Брылевым, и с его Везувием. Видали мы кое-что и покруче, – отмахнулся Станислав. – Значит, вполне вероятно, Артем был в Италии... – о чем-то напряженно размышляя, он наморщил лоб. – Постой, а кроме Везувия, там еще что-нибудь имеется?

– Да, на острове Сицилия есть сразу два вулкана – Этна и Стромболи. И оба действующие.

– Блин! – восхитился Крячко своей внезапной догадкой. – Так вот откуда «ноги растут»! Сицилия – это же родина мафии. Точно! Ведь это ж там, в Палермо, комиссар Каттани боролся со «спрутом». Ну тогда все сходится – наши бандюганы мотаются на Сицилию.

– А зачем им туда мотаться? – прищурился Лев.

– Ну как это – зачем? Скажем, обмениваться «передовым опытом», – Стас развел руками. – У них, будь уверен, тоже есть чему друг у друга поучиться. И что же у нас вырисовывается в итоге?

– Что вырисовывается? – риторически повторил вслед за ним Гуров. – Да пока ничего конкретного и не вырисовывается. Об убитом удалось выяснить только то, что его предположительно зовут Артем, что он, возможно, когда-то входил в рэкетирскую группировку Бизона. Знаем точно, что он был в тех краях, где имеется действующий вулкан. И, возможно, это Италия, в частности – остров Сицилия. В прошлом, может быть, был спецназовцем и служил в Афганистане. Пока что совершенно неясно, какое отношение он имел к итальянской фирме «Дольче вита» и как взаимосвязано его убийство с исчезновением итальянца Паоло Розелли, проживавшего в одной из московских гостиниц.

– Которое случилось именно три дня назад, – напомнил Крячко.

– Не будешь же ты утверждать, что Артем и Розелли – одно и то же лицо? – Гуров с сарказмом взглянул на приятеля. – Артем явно не тянет на уроженца Апеннин.

– Ха! – голос Стаса был самой язвительностью. – Ты думаешь, в наше время трудно стать итальянцем?! Да за бабки можно стать и эскимосом, и даже почетным папуасом.

– Хорошо. Сейчас сделаем так. Берем снимки с нашим покойничком и едем, каждый по своим адресам. Я встречусь со знакомой Артема и заеду в архив Минобороны. Попрошу посмотреть личные дела спецназовцев, когда-то проходивших службу в Афганистане. Вдруг что всплывет? А ты давай в гостиницу. Выяснишь насчет Розелли – Артем это или не Артем. Узнай, не обращался ли кто по поводу его исчезновения. Может, кто звонил или приходил? Надо бы и номер его осмотреть – все ли там в порядке. Ну и заедешь к Алевтине. Пусть опознает покупателя телефона.

– Слушай, а что если разыскать кого-то из бывших бизоновских? – предложил Крячко. – Кто-то из них, возможно, уже на свободе, кто-то еще в заключении. Потолковать с ними по душам... Вдруг кто этого Артема опознает? Если он когда-то, и в самом деле, был в их банде. Конечно, трудно сказать, почему они его не сдали после того, как их накрыли – то ли боялись, то ли жалели, то ли еще что повлияло... Но теперь-то он покойник, любые заморочки отпадают сами собой.

– Молодец! Очень даже дельная мысль, – одобрил Лев. – Хорошо, вернемся из разъездов – поищем. Ну что, вперед?

...Разыскав нужный дом, он позвонил в дверь, обшитую заурядным черным дерматином. По пути Гуров успел созвониться с хозяйкой квартиры и договориться о встрече. Щелкнул замок, и на пороге появилась молодая женщина в светлом платье. Увидев Льва, она приветливо улыбнулась.

– Это вы мне звонили? Входите.

Гуров поздоровался и, показав свое удостоверение, шагнул в прихожую, чему-то при этом улыбнувшись. Поймав недоуменный взгляд хозяйки квартиры, он пояснил:

– Когда я увидел вас, мне почему-то сразу вспомнилась фраза из одного старого рекламного ролика: «Из этих цветов, милая, получается молоко...» – спародировал он. – Вы, случайно, в рекламе не снимались?

– Нет, что вы! – женщина смущенно рассмеялась. – У меня нет никаких актерских данных. Я работаю обыкновенным бухгалтером. А там актерство ни к чему. За исключением, разве что случаев, когда вдруг нагрянет внеплановая ревизия. А вы ко мне, я так поняла, насчет Артема? С ним что-то случилось? Говорите уж сразу, если что...

– Да, с ним произошло нечто очень скверное. – Гуров говорил, тщательно подбирая слова. – Вчера его нашли убитым. Впрочем, пока он не опознан знавшими его людьми, говорить уверенно, что это именно он, было бы преждевременным.

– Боже! – женщина отшатнулась, прижав к губам ладони. И как же это? Кто ж его?..

– В него дважды выстрелили и сбросили в канализацию, где он находился около трех дней, – сдержанно пояснил Лев. – Поэтому его посмертный снимок – сейчас покажу – может значительно отличаться от того, каким Артем был при жизни. Ну а кто убил... Выяснением этого мы сейчас и занимаемся. И чем больше о нем мы сможем узнать от вас, тем больше у нас шансов раскрыть это преступление и найти убийцу.

Лишь мельком взглянув на снимок, женщина отвернулась, закрыв лицо руками.

– Да, это он, Артем... – тихо сказала она, прислоняясь к стене. – А ведь я это предчувствовала. Я ему не раз говорила, что если он от меня уйдет – все, с ним обязательно будет беда. Вот и сбылось.

– То есть вы совершенно определенно опознали на снимке человека, который называл себя Артемом. – Гуров спрятал снимок в карман. – А вы не припомните, на его теле были какие-то шрамы, татуировки?

– Да, были... – судя по всему, увиденное на хозяйку квартиры произвело очень тяжелое впечатление. – Как же я его пыталась удержать! А он все смеялся: «Томка, вот вернусь с мешком денег, поедem на Багамы, купим там виллу!...» Вот тебе и мешок денег, вот тебе и вилла... – по ее лицу побежали слезы.

– Я вам сочувствую, но вынужден повторить свой вопрос про характерные шрамы и татуировки на теле Артема.

– Ах да, извините... – Тамара постаралась взять себя в руки. – На его левом плече была татуировка эмблемы десантно-штурмовой бригады, в которой он служил. Он ведь был в Афгане. Уже в самом конце... Там же и был ранен. На бедре левой ноги след от пули, а на плече – от душманского ножа.

– В таком случае, – Гуров развел руками, – вынужден констатировать, что человек на снимке – действительно Артем. Кстати, как его фамилия?

– Я не знаю... – сквозь слезы женщина растерянно улыбнулась. – Вы, наверное, посчитаете меня глупой, легкомысленной, но я его об этом ни разу даже не спросила. А он не сказал... Не знаю почему. Я даже не знаю, откуда он родом, есть ли у него отец и мать... Я о нем, по сути, вообще ничего не знаю. Он появлялся как бы из ниоткуда и исчезал как бы в никуда. Он

мог не появляться неделями, а потом жить у меня несколько дней подряд, выполняя любую мою прихоть.

– Но хоть что-то он о своей жизни вам рассказывал?

– Очень мало. Знаю лишь, что до армии он три года учился в каком-то институте. Вроде строительном. Потом его за что-то выгнали и тут же забрали в армию. С ходу попал в Афган. Да, как-то раз он был выпивши, а по телевизору шла передача про войну в Афганистане. Показали одного отставного генерала. Тот рассказывал про то, как здорово он воевал, как любил и берег своих солдат... Артем его увидел – даже в лице переменялся. Заматерился, швырнул в экран банкой из-под пива, крикнул что-то наподобие: «Тебя, гада, четвертовать мало!» А уж почему он так отреагировал – даже не знаю.

– Интересно... А когда это было? На каком канале?

– Не помню... Было это незадолго до того, как он ушел и уже больше не вернулся. Три месяца назад.

– А вообще, вы долго с ним встречались?

– Да как сказать?.. Познакомились больше полгода назад, прямо на улице. Он мне понравился сразу и безоговорочно, хотя мои подруги к нему относились настороженно. Может, просто завидовали? Правда, он, когда еще только познакомились, номер своего мобильного мне оставил, но звонить запретил. Я могла ему позвонить только в случае крайней необходимости. Например, если бы моей жизни угрожала опасность. Поэтому, когда он исчезал, не предупредив, даже не намекнув, я могла его лишь только ждать. А появиться он мог как джинн из бутылки. Бывало, я прихожу домой, а он сидит в кресле у телевизора, пьет пиво. Дома все перемыто, перестирано, сварено...

– А у него что, был ключ от вашей квартиры?

– Зачем ему ключ? – Тамара невесело улыбнулась. – Он любой замок мог открыть куском проволоки. Четыре месяца назад я почувствовала, что беременна. Он ребенка как будто хотел. Все шутил на манер сказки Пушкина про царя Салтана: «Ты для батюшки-царя сотвори богатыря!» А потом однажды исчез. Прошли все возможные сроки, а он не появлялся. И тогда я решила ему позвонить. Но он, только лишь услышав мой голос, крикнул, чтобы я больше не звонила. Прошел еще месяц, я позвонила еще раз. Но телефон оказался отключен. Месяц назад я ехала на автобусе по Тополянской и вдруг увидела, как из какого-то дома вышли двое: деваха разодетая, разнакрашенная и Артем. Сели в иномарку и уехали. Я сразу поняла, что он нашел себе другую.

– А вы уверены, что это был он? Вы не ошиблись?

– Нет... Я снова стала ему звонить, но телефон не отвечал. И тогда я решила расстаться с ребенком. Но сроки уже ушли. Недавно подруги нашли мне одного частника. Берет дорого, но у него осложнений не бывает. Я чувствовала себя обманутой, покинутой, оскорбленной, и поэтому мне очень хотелось, чтобы о том, что я хочу прервать беременность, обязательно узнал Артем. И однажды мне до него все же удалось дозвониться. Но я опять не успела сказать ему ни слова. Он мне крикнул: «Жди!» и тут же отключил телефон. Однако я ему уже не верила.

– Похоже, я вас сильно расстроил, – сочувственно заметил Лев, собираясь уходить. – Вы не припомните, что это за дом, у которого вы видели Артема?

Когда Тамара подробно объяснила ему, где именно заметила Артема с другой женщиной, неожиданно зазвонил стоявший в прихожей телефон. Выслушав собеседника, она некоторое время раздумывала, а затем решительно мотнула головой.

– Нет, я передумала. Нет, нет, я не приеду. Да, это окончательное решение, – кончив говорить, Тамара положила трубку.

– Звонил тот самый частник? – догадался Гуров.

– Да... Видите, как получилось? Уж теперь пусть будет как будет. – Тамара тяжело вздохнула. – Артема нет, что уж теперь перекраивать? Мне за тридцать... В конце концов, он был лучшим из тех, кого я знала.

Выйдя от Тамары, Лев отправился в архив Минобороны. Но по пути решил завернуть на Тополянскую. Невдалеке от перекрестка высился стеклянный параллелепипед какого-то бывшего «Моспрофхимстройпроекта», ставшего офисным зданием. Среди множества других табличек и вывесок он увидел скромно притулившуюся табличку с названием на двух языках – русском и каком-то иностранном. Название гласило: «Российско-итальянская торговая фирма «Дольче вита». Рабочий день был в самом разгаре, и в автоматическую дверь большого, похожего на аквариум, вестибюля входило и выходило множество людей – молодых и пожилых, внешне озабоченных и беспечных, в строгих офисных нарядах и легкомысленной джинсе. Тут едва ли можно было разобрать, кто из них направлялся в «Дольче виту», а кто – в другие организации и фирмы.

Гуров достал из еженедельника заложенную туда визитку, найденную у убитого. На ней значился совсем другой адрес – улица Ботаническая. Да и телефон, указанный на визитке, был совсем не тот, что имелся в памяти мобильного телефона. Было совершенно очевидно, что фирмачи специально организовали «фильтр», позволяющий заранее отслеживать нежелательных им визитеров. «Вот потому-то они и всполошились, когда не прошедший предварительную «фильтрацию» позвонил прямо в основной офис, – подумал Лев, наблюдая за суетой у вестибюля. – Эти ухищрения говорят о многом...». И тут же, сама собой, возникла идея – незаметно отснять всех сотрудниц «Дольче виты» и показать их Тамаре. Если бы среди них она узнала ту, что раскатывала с Артемом, это позволило бы выяснить, кто он такой, что его связывало с фирмой и чем он в ней занимался.

В архиве Минобороны его огорошили, сообщив, что поиск нужного ему человека может занять не меньше, а то и более недели – попробуй, перебери тысячи папок с документами разных лет и сличи фото молодого парня с изображением лица, которое на двадцать лет старше, к тому же существенно искажено посмертными изменениями. Рабочий день близился к концу. Гуров поехал в управление, даже не подозревая, какие сюрпризы там его могут ожидать.

Глава 2

На оливково-зеленых, с примесью пронзительной синевы, просторах Тирренского моря гулял резвый свежий ветерок, вздымая невысокую волну, которая с мягким шелестом лениво катилась на обетованный берег прекраснейшего из островов – Сицилии. Ветер колыхал ветви фруктовых деревьев огромного цитрусового сада, окружавшего большую белую виллу, воздвигнутую в лучших традициях античных мастеров. Горделиво красуясь на возвышенности, она была видна всякому, кто курсировал вдоль берега на рыбацких или прогулочных лодках и катерах, кто пролетал по живописной автостраде, проложенной невдалеке от виллы среди субтропических рощ и виноградников. Всякий мог видеть ее изящные высокие колонны, украшающие фасад.

От окружающего мира виллу отделяла высокая ограда из гладко ошлифованного темного камня. От автострады к узорчатым железным воротам роскошного обиталища одного из баловней судьбы этого несовершенного мира вела вымощенная, гладкая, как зеркало, дорога. Просторный двор, с покрывающей его красивой каменной мозаикой, был обрамлен пальмами и изобиловал цветниками. В его центре отблескивал чистейшей влагой большой квадратный бассейн.

В тени пальм ярко белела мраморная беседка, живописно увитая диким виноградом. Под ее гостеприимным сводом, казалось бы, надлежало находиться лишь в древнегреческих туниках или римских тогах. Но как же давно они вышли из употребления!.. Несколькими днями ранее событий, описанных выше, здесь состоялась встреча, о которой едва ли могли бы сообщить какие-либо мировые информагентства, о ней вообще едва ли кто знал, кроме самих ее участников. Хотя обсуждавшиеся здесь вопросы, осуществившись они в реальности, коснулись бы судеб многих миллионов людей и даже целых государств.

Пятеро мужчин в легких летних костюмах современного, европейского стиля, какие обычно продаются в тех немногочисленных магазинах, где имеют обыкновение делать покупки люди, владеющие солидными банковскими счетами, сидели за столом и вели непринужденную беседу.

Хозяин виллы, американизированный итальянец, чертами лица в большей степени походил на ирландца, нежели на уроженца Апеннин. Двое из присутствующих являли собой типичных представителей коренного населения острова. Даже не будучи антропологом, в потомках древних италов и латинов можно было заметить влияние крови арабов, испанцев, норманнов, германцев и греков. Всех тех, кто издревле селился на этой райской земле – или мирно оседая в ее городах и селениях, или приходя с огнем и мечом, чтобы ненадолго овладеть ее красотами, а затем, битым и поверженным, бежать прочь.

Еще один из гостей, высокий, плотный и представительный, с большой лысиной в обрамлении светло-русых волос, постоянно норовивший вставить в разговорный процесс за столом ненормативную лексику восточно-европейского звучания, явно был уроженцем средне-русских широт. Точнее сказать, Подмосковья, с его некогда прославившимися на весь мир вечерами. Пятый – сухощавый, жилистый, с крупным носом и темной, овечьей пустынными самурами кожей лица, безусловно, был потомком воинственных бедуинов.

Меж собой присутствующие общались, в основном, на английском, преимущественно, американизированном, с некоторыми элементами итальянского и весьма специфичными вкраплениями русского. Хозяин виллы, синьор Бартоломео Анджеллини, в некоторых американских кругах известный более как Барт-Бом (Барт-бомба), главарь одной из ветвей криминального синдиката семьи Костелло, радушно потчевал гостей всем тем, что ему послал его мафиозный бог. Хохоча громче всех и поминутно испытывая типично американский зуд – закинуть ноги на стол, он пространно разглагольствовал на темы значимости международного

сотрудничества – разумеется, незапятнанного якшанием со всякими там ниггерами и прочими недочеловеками. Его грубоватый сленг, свойственный итальянскому кварталу Чикаго, понимали не все из гостей, изъяснявшихся в большей или меньшей степени на ломаном классическом английском.

Воздавая должное творчеству сицилийских виноделов, искрящемуся в хрустальных бокалах, хозяин и гости обсуждали свои дела, едва ли понятные не входящему в этот избранный круг. Фактически, здесь шел активный торг. Потомок бедуинов, финансовое могущество которого питалось фонтанами черной маслянистой жидкости, таящейся под барханами, по которым его предки когда-то водили караваны верблюдов, горячо убеждал любителя ненормативной лексики ускорить выполнение неких, ранее взятых обязательств.

Уроженец Подмосковья, известный у себя на родине как Гена Бизон, вперемешку с матерками, для всех прочих в беседке понятными не более, чем поздравление с Новым годом по-китайски, уверял напористого бедуина в том, что обещанное выполнит гарантировано. Но при этом доводил до сведения всех наивных и умом оскудевших, что:

– Нав ин Рашо – дзе нью таймз <MI>(теперь в России – новые времена)<D>.

Этим он хотел сказать, что времена, когда великими «прихватизаторами» любому желающему по цене металлолома запросто продавались новенькие подлодки и эсминцы, уже отошли в прошлое. И предмет вождения господина Сулеймана может быть вывезен за пределы России лишь за сумму, вдвое большую той, что оговаривалась первоначально. Сицилийцы, на правах посредников, взявшихся обеспечить доставку голубой мечты внука бедуинов из пункта «Россия» в пункт «инкогнито», так же весьма напористо оговаривали прирост своей доли зеленого долларового «пирога» – дескать, и «овес нынче дорог», и Интерпол лютует...

В конце концов коллективные усилия возымели действие и обладатель нефтедолларов, скрепя сердце, был вынужден согласиться со своими не в меру златолюбивыми собеседниками. Он пообещал, что в ближайшие дни деньги поступят на счета одного из банков на Багамах. Но, в свою очередь, потребовал отчета о том, на какой стадии застопорилась операция по вывозу из России некоего технического устройства, которое призвано даровать господину Сулейману и его единомышленникам бесспорное право указывать немалой части населения земного шара – , как ей жить и с кем дружить.

Известие о том, что вожделенное устройство до сих пор мирно покоится в недрах специального склада со стальными дверями метровой толщины и электронными кодовыми замками, господина Сулеймана крайне огорчило. Он упрекнул Гену Бизона в обмане и даже пригрозил кровной мстью, гарантировано осуществляемой горячими хлопцами-шахидами, о которых Гена был наслышан. Подобно революционным матросам с «Авроры», обматывавшим себя пулеметными лентами, те тоже имели обыкновение обматываться взрывающимися поясами и проводами электродетонаторов.

С трудом разобрав не очень качественный английский господина Сулеймана, Гена Бизон молча опрокинул полный бокал солнечного напитка и проворчал на родном языке:

– Да манал я твоих шахидов! Это, скорее, ты, если наших, солнцевских, увидишь, – всю жизнь потом в шаровары будешь валить!

Но далее, по-английски, заверил своего обеспокоенного собеседника в том, что максимум через неделю «товар» будет за пределами склада, а еще через несколько дней на гостеприимной земле солнечной Сицилии состоится его торжественная передача из рук в руки. Сицилийцы, весьма встревоженные тем, что сделка может сорваться и их доля рискует обратиться в пыль, тут же включились в этот диалог и коллективно заверили господина Сулеймана в необычайной добропорядочности «синьора Геннадио».

Учитывая чрезвычайно конфиденциальный характер данной встречи, задолго до ее начала хозяином виллы были предприняты всевозможные меры по обеспечению секретности. Дабы ничьи уши не смогли уловить ни слова из здесь сказанного, специалисты в области

электроники досконально проверили беседку и прилегающую к ней территорию на предмет наличия «жучков». На время встречи было включено несколько устройств, способных заглушить любой радиосигнал, а также предотвратить какую-либо аудиозапись. Вдоль ограды виллы постоянно курсировали охранники Барт-Бомы, а недалеко от ее ворот, пристально озирая прилегающую территорию, околачивались телохранители Сулеймана, которые прибыли вместе с ним. Даже официант, обслуживающий беседку, прошел самый придирчивый отбор, к тому же от рождения был глухонемым. Безмолвной живой статуей он стоял в углу, внимательно следя за гостями, стремясь предупредить желания каждого. Повинуясь едва заметному жесту руки хозяина, бесшумно перемещался по беседке, подливая в бокалы вино или подавая те или иные блюда. И едва ли кто мог бы догадаться, что этот человек без проблем читает по губам, понимая мимическую артикуляцию нескольких европейских языков.

Покончив с деловой частью встречи, хозяин незаметно для гостей нажал на кнопку под крышкой стола, и тут же из виллы к бассейну выбежала веселая компания загорелых очаровашек – брюнеток, рыжих, блондинок самых волнующих и соблазнительных форм. Звонко хохоча, юные создания бросились в бассейн, заставив сидящих в беседке завздохать и заерзать.

– Синьоры, прошу! – хозяин виллы радушным жестом пригласил гостей присоединиться к красоткам. – Чувствуйте себя в бассейне как рыбы в воде! – синьор Анджеллини громко расхохотался собственной шутке, которая показалась ему необычайно остроумной. – И – смелее, смелее! Они ждут вас и жаждут выполнить любой ваш каприз, любую прихоть.

Хозяин и гости, взбудораженно обмениваясь оценками юных «русалок», направились к бассейну, сопровождаемые насмешливым взглядом глухонемого официанта. Неожиданно у Гены Бизона, шествующего к бассейну первым, зазвонил мобильный телефон. Переговорив со своим собеседником, он торжествующе улыбнулся и, обернувшись ко всем, объявил на все том же ломаном английском:

– Господа, как я и обещал, мы выполняем свои обязательства. Сообщаю, что «товар» со склада уже вывезен и сейчас транспортируется в надежное место, именно то, какое указал уважаемый господин Сулейман. Как только удастся организовать «зеленый коридор», мы доставим его заказчику. Так что можем поздравить себя с нашим общим успехом!

– Посдравлять себя, господин Геннадио, – неожиданно для Гены Бизона заговорил по-русски один из сицилийцев, – лутчше буддет только токда, когда «товар» окажется сдесь. Как коворят у вас, в Россия: не говори гоп, пока не перепрыгнешь.

– Это не в России так говорят, а хохлы на Украине, – недовольно поморщился Бизон, очень обеспокоенный тем, что итальянец владеет русским – ведь иногда он выдавал на своем родном такое... И стоило этому шеголю, «слить» услышанное «хренову бедуину», как последствия подобного «демарша» могли принять самый непредсказуемый характер. Но Гена Бизон терзался зря. Сицилиец и сам хорошо понимал, что не в его интересах возбуждать антипатии между амбициозным русским и не менее амбициозным азиатом. Он лишь усмехнулся и завершил диалог на русском вполне резонным замечанием:

– Этот народная мутрость актуальна и в России, и на Сицилии, и у аборигенов дельта река Конго.

Сбросив костюмы, собутыльники отдались упоительной прохладе бассейна, столь приятной после пекла полуденного солнца субтропических широт. И приятной вдвойне, с учетом соседства столь очаровательных и сексапильных нимф. Собрав со стола пустую посуду, глухонемой не спеша удалился в подсобное помещение виллы, после чего незаметно покинул ее пределы. Менее чем через час он стоял перед пожилым сицилийцем с резкими чертами лица и тяжелым пронизывающим взглядом.

Старик сидел в дорогом, похожем на трон старинном кресле, которое уже несколько столетий переходило из рук в руки тех, кто мнил себя некоронованными королями Сицилии. В комнате, обставленной во вкусе позапрошлого века, царил полумрак. Тяжелые бархатные

портьеры почти закрывали витражные окна. На стенах висело дорогое, украшенное золотом и драгоценными камнями, холодное оружие – сабли, кортики, рыцарские мечи. Тут же размещалось и огнестрельное оружие, предмет гордости сицилийцев – лупары, короткоствольные охотничьи ружья ручной работы, используемые Оноратой Соцчета (Уважаемым Обществом) для сведения счетов со своими «корешами», преступившими законы тайной организации.

– Джанни, – негромко, но властно распорядился старик, – переведи, что хочет сказать Никколо. Я не очень хорошо понимаю его жестикуляцию и могу упустить что-то важное из сообщения.

– Слушаю, дон Винсенто, – откликнулся стоявший за спинкой его кресла рослый молодой сицилиец. – Никколо говорит, что на вилле Гранда Соле состоялась встреча Бартоломео Анджеллини, который выступает посредником в переговорах между неким Сулейманом и русским торговцем оружием и наркотиками Геннадием Бизоном. Намечено похищение в России с одного из военных складов не названного вслух какого-то технического устройства огромной мощности и переправки его сюда, на Сицилию. Отсюда этот «товар» будет направлен в одну из стран Северной Африки. Скорее всего, в Тунис. Когда встреча уже закончилась, русский получил телефонное сообщение, что «товар» со склада уже похищен. Теперь они ждут «зеленого коридора», чтобы вывезти устройство за пределы России. Кроме этих троих, на встрече присутствовали еще двое. Это Франческо Конченти и Августо Мати, которые представляются членами неаполитанской коморры. Однако есть подозрение, что они – не те, за кого себя выдают. Это все, что удалось узнать.

– Ты хорошо выполнил мое поручение, Никколо, – старик одобительно кивнул.

Глухонемой шагнул к креслу и, поцеловав руку дон Винсенто, с поклоном удалился. В комнате некоторое время царило молчание.

– Джанни, – старик говорил неторопливо, но чувствовалось, что он не на шутку встревожен, – сегодня к восьми вечера собери здесь капо Уважаемого Общества. Ни одна полицейская ищейка не должна даже заподозрить о факте проведения данной встречи. Ты меня хорошо понял?

– Да, дон Винсенто, – Джанни поклонился. – Я выполню все в точности, как вами было сказано.

К назначенному времени в комнате со старинной мебелью собралось несколько человек, каждый из которых в мафиозной иерархии острова занимал высшие ступени. Приветствуя друг друга традиционным поцелуем в щеку, как повелось еще много веков назад, когда мафия была не криминальной, а освободительной организацией, боровшейся за независимость острова от иноземных захватчиков, члены совета Уважаемого Общества рассаживались строго в зависимости от возраста и ранга. Когда все места были заняты, дон Винсенто заговорил негромко, но внятно:

– Я собрал вас, уважаемые синьоры, чтобы обсудить один чрезвычайно важный вопрос. Сегодня на вилле Гранда Соле состоялась встреча, на которой при посредничестве известного всем нам синьора Бартоломео Анджеллини, продолжили свои переговоры, которые были начаты еще год назад, тунисец Сулейман, тесно связанный с известной исламской организацией Аль-Каида, и русский торговец оружием и наркотиками Геннадий Бизон. Уважаемое Общество не может остаться в стороне от любого события, которое так или иначе касается Сицилии. Поэтому, учитывая серьезность происходящего, мы должны определить свою позицию в отношении сделки, заключаемой этими двумя чужеземцами.

– А в чем ее суть, уважаемый дон Винсенто? – подал голос один из молодых, недавно введенных в состав тайного совета.

– Сулейман желает заполучить некое военное снаряжение, которое должны похитить с военных складов в России. Я подозреваю, что это – портативное взрывное ядерное устрой-

ство, «атомная бомба в чемодане». Синьор Анджеллини тоже вошел в долю – он обеспечивает транспортировку устройства из России на Сицилию и отсюда – на север Африки.

– Дон Винсенто, но это обычная коммерческая сделка на завидную, как я догадываюсь, сумму. Почему вы придали ей такое значение? Вы считаете, что она каким-то образом ущемляет интересы Уважаемого Общества? – удивленно развел руками один из старых мафиози.

– Прежде всего, следует учесть, кто является покупателем «атомной бомбы в чемодане». Это люди, чьи интересы во многом расходятся с нашими. Это фанатики, которые, в отличие от нас, преследуют далеко идущие политические цели. Их мечта – свергнуть мир в хаос и на его руинах построить всемирный халифат. В сравнении с этим, даже приход к власти нового Муссолини я считал бы меньшим злом.

– Полностью согласен с мнением дона Винсенто – с фанатиками нам не по пути, – важно кивнул мужчина средних лет, считавшийся правой рукой дона.

– Синьор Анджеллини по отношению к Уважаемому Обществу изначально занял неправильную позицию, – в голосе дона Винсенто зазвучали первые нотки надвигающейся грозы, что не осталось незамеченным присутствующими. – Он игнорирует наше мнение и считает, что если он гражданин Соединенных Штатов и принадлежит к знаменитой семье Костелло, то может вести себя на нашей земле так, как ему заблагорассудится. Прежде всего, он обязан был узнать о нашем отношении к намечающейся сделке, раз уж Сицилии в ней отводится не последняя роль. Во-вторых, со всякой сделки в казну Уважаемого Общества должна быть внесена его законная доля. А он об этом как будто бы и не знает.

– Как? Он не желает делиться с Уважаемым Обществом?! – разом заговорили члены совета, переглядываясь и удивленно крутя головой.

– Если он считает себя выше Господа, – помянув Творца, «правая рука» дона мелко перекрестился католическим двоеперстием, – то одна из этих лупар, – он указал взглядом на коллекцию оружия, – легко убедит его в обратном. Наши пичотто промаха не знают.

– Возможно, нам придется принять и такое решение, – дон Винсенто сдержанно кивнул. – Но поспешность здесь была бы неуместной. Следует все же учесть, что подобный шаг, не имея достаточно весомой мотивации, может в значительной мере испортить отношения Уважаемого Общества со многими семьями Коза Ностра.

– Тогда их следовало бы проинформировать, – вновь напомнил о себе новичок совета, – что и кому синьор Анджеллини помогает приобрести. Ведь именно единомышленники Сулеймана уничтожили башни-близнецы в Нью-Йорке. Уверен, они и эту атомную бомбу хотят заполучить, чтобы взорвать ее где-нибудь в Америке.

– Безусловно, правильная мысль, – дон Винсенто с одобрением посмотрел на новичка. – Завтра же нужно будет составить послание семьям Костелло, Гамбино, Дженовезе и другим. Телефонам я не доверяю – их могут прослушать, коды расшифровать... В одной из башен погиб мой племянник Алессандро. Именно благодаря ему нам удалось легализовать значительную долю наших капиталов. Теперь это сделать гораздо сложнее. И виновники этого – исламские фанатики, которым взялся помогать синьор Анджеллини. Я считаю, его нужно предупредить. Наглядно.

Сидящие за столом тут же подняли вверх большой палец правой руки, что означало: решение принято.

– Быть может, стоит принять меры воздействия и в отношении Сулеймана?.. – задумчиво предположил один из старых членов совета.

– Не думаю... – дон Винсенто отрицательно качнул головой. – Это будет означать прямое столкновение с сильным противником. А у нас и своих проблем хватает. Зачем нам новые? Меня беспокоит еще одно обстоятельство. Во встрече на Гранда Соле участвовали еще двое, которые объявили себя членами неаполитанской коморры. Хотелось бы знать, кто они на самом

деле и какие цели преследуют. На мой взгляд, следовало бы предпринять шаги, чтобы расстроить намеченную сделку.

– А если убрать этого русского Бизона? – предложил самый молчаливый из членов совета.

– Это надо было сделать в самом начале, еще год назад, – устало вздохнул дон Винсенто. – Сейчас процесс зашел слишком далеко и может завершиться даже без его участия. Более того, это может произойти вне поля нашего зрения, что для нас крайне нежелательно.

– Но не можем же мы выйти на русскую полицию! – «правая рука» пожал плечами. – Законы Уважаемого Общества этого не допускают.

– Есть другой путь, – дон Винсенто сидел, сцепив меж собой пальцы рук. – Пусть об этом развоняют газетчики. Через третьи руки мы дадим им информацию и уведомим, что в отношении этой темы Уважаемое Общество к ним претензий иметь не будет.

– Блестящее решение! – одобрил мысль дон старейший член совета. – Я за его принятие. Пусть Барт-Бом всерьез задумается. Уважаемое Общество в силах наставить его на правильный путь.

Глава 3

... Ничего не зная об этих событиях на далеком солнечном острове и даже не вполне точно представляя себе, где вообще он может находиться, Станислав Крячко поднимался по каменным ступеням лестницы к роскошному вестибюлю известнейшей столичной гостиницы. Он уже мысленно представил себе сценарий предстоящей беседы – разумеется, с пристрастием! – с ее обслуживающим персоналом. Но едва Стас подошел к входной двери, как вынужден был убедиться, что пристрастную беседу временно придется отложить по одной, но самой простой причине: его не пустили внутрь.

Бородатый швейцар храбро заступил ему дорогу и, неприязненно взирая на потертые джинсы и кожаную ветровку не первой новизны, объявил, что лица без определенного места жительства в гостиницу не допускаются.

– Ты что, охренел, дубина?! – Станислав вскипел праведным негодованием. – Я – полковник милиции Крячко, оперуполномоченный главка. Ты понял?! – и он великолепным жестом сунул бородачу прямо в лицо свое служебное удостоверение.

Но, к его удивлению и досаде, грозный документ своего действия не возымел. Бородач саркастически ухмыльнулся и, еще раз измерив Стаса ехидным взглядом, категорично объявил:

– Не пушу! Такие корочки вон, за каждым углом продаются. Ишь ты, полковник выискался! Ты вначале к зеркалу подойди, а потом уже выдавай себя за полковника. У нас тут на днях притащился один обормот, так он вообще себя за президента Занзибара выдавал. Да!.. Надел черный парик, морду покрасил гуталином и попер в гостиницу. Тоже какой-то документ начал показывать... А тут – жара, его-то грим и поплыл. Эх, и дал же он деру!

– Слушай внимательно: это ты у меня сейчас деру дашь! Понял?! – свирепо рявкнул Крячко, начиная потихоньку сатанеть.

Но особого впечатления на швейцара это тоже не произвело.

– А будешь орать – вызову охрану, – пригрозил он. – Чтобы не портил имидж гостиницы. Так что, гражданин бомж, шел бы ты отсюда подобру-поздорову.

– Слушай! Еще секунда – и я тебя собственноручно скручу в бараний рог! – Стас жестко схватил швейцара за ворот его фирменного кафтана, но тут неожиданно кто-то неизвестный пришел ему на помощь.

– О! Гражданин начальник! – радостно загорланил прилично одетый тип, выходя из гостиницы. – Какими судьбами?! Это вы что же, гражданин полковник, задерживаете злостного нарушителя паспортного режима?

Ошалевший от такого поворота событий швейцар растерянно захлопал глазами и суетливо посторонился, уступая дорогу Крячко. Внимательно посмотрев на незнакомца, Стас неожиданно узнал в нем в свое время известного автоугонщика Степу Газа, за свои «подвиги» трижды отправлявшегося на нары. Последней отсидкой угонщик был обязан ему, поскольку именно Крячко смог доказать его причастность к угону пяти дорогих иномарок, за что Степа Газ сразу на несколько лет «выпал в осадок».

– А, Степа... Где ты сейчас, чем занимаешься? – сдержанно, но с оттенком некоторой доброжелательности, поинтересовался Станислав, что было вполне объяснимо – на фоне туповато-исполнительного швейцара даже такая личность, как Степа, казалась чуть ли не подарком судьбы.

– Все о'кей, начальник! – Степа широко заулыбался. – С угонами покончил, занялся перегонами. Ну перегоняю клиентам иномарки из Германии в Россию. Бизнес легальный, бабки приличные – живу! – Он изобразил рукой жест, означающий что-то наподобие: о лучшем – и не мечтаю, подмигнул Стасу и, насвистывая, запрыгал по ступенькам вниз.

Ошарашенный, разом вспотевший швейцар стоял как истукан, не зная, что сказать. Наконец он нашелся.

– Милости прошу! – торжественно провозгласил он, распахнув дверь перед Станиславом.

Не удостоив его даже взглядом, Крячко походкой Александра Македонского, только что покорившего Персию, прошел через вестибюль и оказался в огромном холле гостиницы. К нему тут же подошла миловидная девушка в униформе и поинтересовалась, не желает ли чего господин...

– ...Крячко, – закончил Стас, вновь доставая удостоверение. – Оперуполномоченный главка, полковник милиции.

К удовольствию Стаса, на девушку его слова произвели впечатление гораздо большее, нежели на затупка-швейцара. Она с неподдельным уважением посмотрела на его удостоверение, ветровку и джинсы, явив собой живое воплощение картины неизвестного мастера: «Боже, кто к нам пришел!» Проводив его к стойке портье, она отошла в сторонку, время от времени даруя начавшему млеть Станиславу взгляды, преисполненные любопытства и даже некоторого восторга. Портье, длинный худой мужчина, каких обычно награждают прозвищем «хвощ», так же явил любезность и охотно рассказал об исчезнувшем итальянце все, что ему было известно.

– Сегодня уже четвертый день, как он ушел и не вернулся, – сообщил портье. – Его исчезновение было замечено вечером того же дня, поскольку, уходя утром, он предупредил, что обязательно будет после обеда. А вечером ему звонили откуда-то издалека. Ну, скорее всего, из Италии, раз он итальянец.

– А говорил звонивший на каком языке? – спросил Стас, доставая фото убитого.

– Что интересно, по-русски, но, правда, у него очень сильный акцент. Как я понял, на проворе был мужчина, судя по голосу, средних лет. Он спросил, у себя ли синьор Паоло Розелли. Я ответил, что тот до сих пор не вернулся, а куда ушел – нам неизвестно. Этот, что звонил, очень удивился и попросил передать синьору Розелли, чтобы тот, как только появится, связался с ним. Я спросил, как его представить. Он сказал, что синьор Розелли знает, с кем ему необходимо созвониться.

– Ясненько... А определителя номера у вашего телефона нет? Жаль... Может быть, кто-то к нему приходил?

– Не припомню... – пожал плечами портье.

– Хорошо. Посмотрите на снимок. Это не ваш постоялец?

– Господи! – портье был явно ошеломлен увиденным. – Какой ужас... Нет, нет, это не он. Я вообще этого человека вижу впервые.

– Понятно... – поскущел Стас, собираясь спрятать фотографию.

Но тут к ним подошла девушка, которая внимательно прислушивалась к их разговору, и, тоже взглянув на фото, неожиданно сообщила:

– А я этого человека видела. Он был около нашей гостиницы.

– Да?! – обрадовался Крячко. – А когда и при каких обстоятельствах?

– Дней пять назад. Как раз закончилась моя смена, и я пошла домой. Он стоял на тротуаре у пандуса и о чем-то разговаривал с этим Розелли. Да, был еще и третий – такой рослый, широченный, шея – как у быка.

– А вы его запомнили? Мы могли бы с вами составить его фоторобот?

– Да, конечно, – девушка утвердительно кивнула.

– Кстати, вы сейчас выразились – «с этим Розелли». Он вам был чем-то неприятен?

– Если честно, то – да. Достал своими плоскими комплиментами. Видимо, он очень богат, и поэтому мнит, что и солнце всходит ради него, и Земля для него одного вертится, – девушка пренебрежительно поморщилась. – Да, кстати, сюда к нему, дня за три-четыре до его исчезновения, приходила некая особа.

– А ее вы не запомнили? Это очень важно, – многозначительно уведомил Крячко.

– Знаете... Она какая-то незапоминающаяся – слишком... пестрая, что ли? Лица нет вообще – сплошная «штукатурка», – девушка смущенно улыбнулась. – Я на память не жалуясь, но ее, как ни силюсь, даже приблизительно не могу вспомнить. Помню лишь, что он назвал ее Дианой. И еще кто-то сказал, что она вроде бы журналистка.

– Ну ладно... Хотя что-то. А вы сейчас не могли бы найти еще одного человека – мне в присутствии понятых необходимо осмотреть номер этого синьора-господина. – Станислав постарался улыбнуться как можно дружелюбнее.

– Конечно, с удовольствием, – легкой синичкой девушка куда-то упорхнула и вскоре привела респектабельную даму средних лет.

– Вот – Анна Константиновна, горничная, обслуживавшая номер итальянца, – пояснила она.

Помещение, которое занимал Розелли, находилось на втором этаже и представляло собой номер-люкс. Обойдя все его комнаты, Крячко, как ни старался, не нашел ничего примечательного. Горничная сообщила, что в номере она появлялась все эти дни, постоянно наводила здесь порядок, но ни разу не заметила, что кроме нее сюда заходил кто-нибудь еще. Открыв дорожные сумки и несессеры, заполненные обычными вещами, Стас неожиданно обнаружил в одном из них нечто, похожее на толстый фломастер. «Интересно дым пошел! – вспомнил он присказку, слышанную когда-то от своего знакомого. – А с чего бы это какой-то фломастер Розелли так хорошо запрятал? Не в барсетку положил, не в ящик стола... Занятный случай!»

– Этот предмет я изымаю как возможный вещдок, – объявил он женщинам, с любопытством наблюдавшим за его поисками.

С согласия горничной, он захватил и найденный в одном из несессеров небольшой портрет в рамочке, на котором были двое – представительный приземистый мужчина около сорока с короткими темными волосами и молодая дама в декольтированном платье. Увидев его, горничная подтвердила, что на портрете – их постоялец, вероятно, снятый со своей синьорой. Когда Крячко, покончив с делами, выходил из вестибюля, девушка, которая взялась его проводить, уже на выходе робко, с непонятным смущением, спросила:

– Ну, а мне когда к вам приходите?

– Зачем? – Стас не сразу понял суть вопроса.

– Ну, чтобы составить этот... Фоторобот.

– А-а!.. – он хлопнул себя по лбу. – Завтра утром сможете? Ну и отлично – жду вас в нашей «конторе». Знаете это где? Вас как зовут? Я заранее закажу для вас пропуск.

– Жанна. Жанна Мокшанина. До свидания, товарищ полковник. Я обязательно буду.

Напевая что-то жизнерадостное, Станислав направился к Алевтине Даниленко, с которой созвонился еще до визита в гостиницу. Но этот визит оказался чрезвычайно кратким и лишенным даже намека на романтичность. Стаса на пороге квартиры встретил верзила в спортивном костюме, из-за спины которого выглядывали двое похожих на него крепышей лет восьми.

– Вам кого? – пророкотал тот вполне добродушно, но Крячко при виде верзилы все равно внутренне ощутил какую-то неустроенность. – А... Вы насчет опознания... Аля, выйди сюда на минуту, – громко позвал, судя по всему, муж Алевтины, и откуда-то из-за его необъятно широкой спины появилась молодая, очень даже эффектная особа лет тридцати с небольшим.

Она улыбнулась, и Стас почувствовал, как внутри него вдруг зазвенели какие-то тонкие нежные струны. Посмотрев на фото, женщина сразу же переменилась в лице и после долгой паузы утвердительно кивнула.

– Да, это тот человек, который купил у меня телефон, – тихо сказала она. – Ой, а за что же его убили? Господи, что же у нас творится-то?!

Поблагодарив обоих супругов, сам не понимая чем огорченный, Крячко отправился восвояси.

С Гуровым к управлению они подъехали одновременно. Выйдя из машины, Стас выжидающе воззрился на своего приятеля – не скисшим ли, не раздраженным ли вернулся тот? Себя он чувствовал, что называется, «с середины – на половинку». Однако по лицу Льва он нечестно мог угадать, что творится у того на душе. Поэтому, отбросив дедуктивные потуги, Крячко поинтересовался напрямую:

– Что, улов небогатый?

– Почти как и у тебя, – чуть заметно улыбнулся Гуров.

– А ты откуда знаешь, как у меня? – в голосе Стаса звучал вызов.

– А на твоём «фасаде» все как на вывеске написано. По работе ты что-то нашел, а вот в вопросах житейских тебя кто-то крепко огорошил. Или я не прав?

– Ты настолько прав, что даже тошно делается. Эта твоя Алевтина – такая изюминка! Это – сказка! И что же? Она, оказывается, замужем... Муженек у нее – амбал, каких поискать. Но ничего. Есть и запасной вариант. Завтра к нам в управление придет одна необычайно симпатичная администраторша из гостиницы. Будем с ней составлять фоторобот. – Крячко в нескольких словах рассказал об итогах своего визита в гостиницу, разумеется, благоразумно умолчав об инциденте со швейцаром. – Ну а у тебя что?

– А у нас – в квартире газ, – Лев устало рассмеялся.

Обсуждая текущие дела, приятели направились в свой кабинет. Увидев их, дежурный поспешил сообщить, что не далее, чем пять минут назад Льву Ивановичу звонил какой-то майор одного из райотделов, который хотел сообщить нечто очень спешное и важное.

– Чую, Стас, новости нас ждут очень и очень интересные – уж поверь моей интуиции, – заметил Гуров, толкая дверь кабинета.

Он оказался абсолютно прав. Лишь услышав в трубке его голос, майор скороговоркой выпалил новости последнего часа:

– Лев Иванович, наши диггеры прочесали канализацию и нашли еще два трупа. Один был метрах в тридцати от коллектора, зацепился одеждой за торчащий из трубы арматурный прут. Другой – почти в километре, на дне большого смотрового колодца. Лежал, придавленный железной лестницей. Видимо, взбирался по ней к люку, а ее крепеж сгнил, и она оторвалась. У этого никаких повреждений пока не обнаружено, скорее всего, захлебнулся стоками. А вот у другого – точно такие же пулевые ранения, как и у вчерашнего. Трупы отправлены в морг, судмедэксперт Дроздов в известность уже поставлен. И вот еще что удалось найти. Где-то метрах в ста пятидесяти от коллектора в стене канализационной трубы обнаружен пролом, связывающий ее с пустотой в известняке – там выходит к поверхности целый пласт. Скорее всего, это старая горная выработка, которая осталась еще с тех времен, когда там добывали камень. Диггеры уверяют, что те места им незнакомы. Они пробрались внутрь выработки. Там – небольшая пещера. В ней обнаружили очень интересные находки. На полу в двух местах нашли кровь.

– Пробы на исследование взяли? – быстро спросил Гуров.

– Да, все как и положено. Даже произведена фотосъемка. Рядом с проломом, на дне самой трубы, была обнаружена пара резиновых сапог. По размеру – как раз соответствующих ноге убитого – он тоже оказался разут. Найдена пуговица, похожая на те, что пришиты к джинсовке вчерашнего. А еще на дне трубы нашли два электрофонаря и три кислородных аппарата типа шахтерских, но более портативных. Но самое интересное обнаружено в карманах утонувшего в колодце. Согласно найденному у него паспорту, это и есть тот самый итальянец Паоло Розелли, пропавший без вести.

– Молодцы! – одобрил Гуров. – Хорошо поработали. Видимо, этот Розелли и убил тех двоих.

– Скорее всего, вы правы, Лев Иванович, – вновь зачастил майор. – У итальянца найден пистолет «вальтер» с глушителем современного производства. Так что, это дело можно считать

раскрытым. А что? Убийца установлен, оружие убийства – налицо. Финита ля комедия, как говорится. Вообще, конечно, здорово, что вы догадались насчет дигтеров. А то висяк был бы обеспечен.

– Ну пистолет – это еще не точка в деле, – задумчиво заметил Лев. – Факт его использования еще надо аргументировать соответствующим образом.

– Вы имеете в виду пули, выпущенные из этого ствола? Две штуки наши ребята в той пещере нашли.

– Ну тогда по этому конкретному эпизоду доказательную базу можно считать достаточно полной. Однако... – Гуров сделал небольшую паузу. – Думаю, что это – всего лишь только начало. По-настоящему, все еще впереди.

– Что вы имеете в виду? – насторожился майор.

– То, что за этими убийствами кроется нечто очень и очень серьезное. Дроздов, я думаю, к вам туда уже выехал. Ну ладно, мы будем чуть позже.

Положив трубку, Лев изложил Станиславу суть услышанного, предложив зайти к генералу Орлову и сообщить тому последние новости. Когда приятели зашли в кабинет Петра, тот сидел за столом и что-то читал.

– А вы очень кстати, – отметил он, отрываясь от бумаг. – Тут мне передали чрезвычайно интересную информацию...

– Что, про сегодняшних покойников тебе уже сообщили? – разочарованно фыркнув, перебил его Стас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.